

ПОКА МОЛЧИТ СТАЛЬ

ТОМ I

ДАНИИЛ КОРНАКОВ

18+

Варталион

Даниил Корнаков

Пока молчит сталь. Том первый

«Автор»

2026

Корнаков Д.

Пока молчит сталь. Том первый / Д. Корнаков — «Автор»,
2026 — (Варталион)

Земли Нордхаля и Ксахко истощены долгой войной между райданцами и силуитами. Когда конунг райданцев Хальда решает заключить союз с вражеским королем, кажется, что у двух измученных народов наконец появилась надежда на мир. Однако не все готовы сменить мечи на свадебные кубки. Йорген, брат Хальды, видит в ее поступке предательство и, заручившись поддержкой могущественной ведьмы Хельвы, готов сделать все, чтобы вновь обнажились мечи. Остановить мятежников поручено наемному убийце Бейнеру, и он тайно проникает в их ряды. Тем временем в столице государства силуитов происходит череда жестоких убийств. Преступников ловят и казнят, но смерти невинных продолжаются. В жилах же убийц течет таинственная черная кровь... Наступит ли на Варталионе долгожданный мир — или война затаилась лишь на время, пока молчит сталь? Перед вами первая книга цикла «Варталион» Даниила Корнакова — эпическое фэнтези о войне, предательстве и черной магии.

© Корнаков Д., 2026

© Автор, 2026

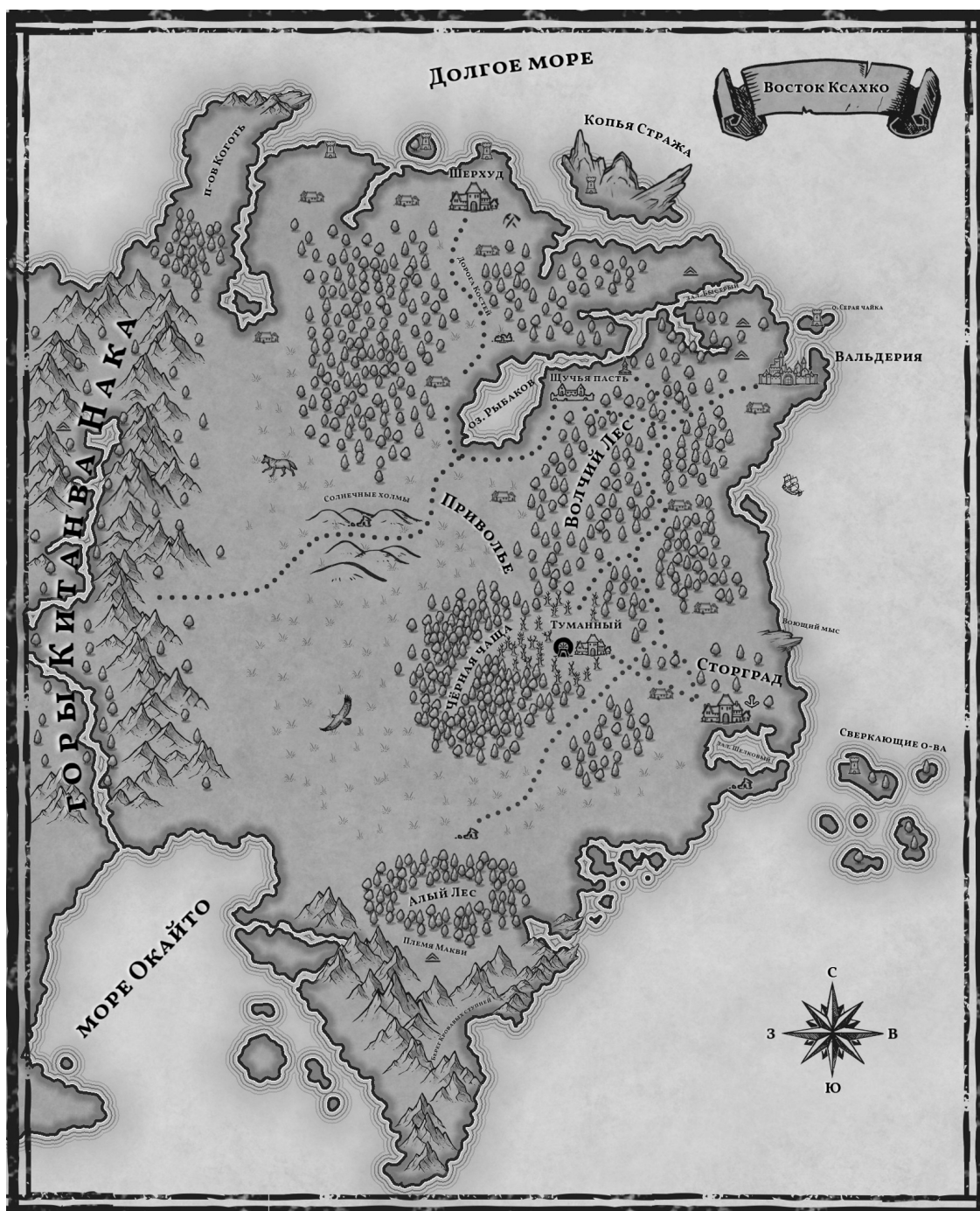
Содержание

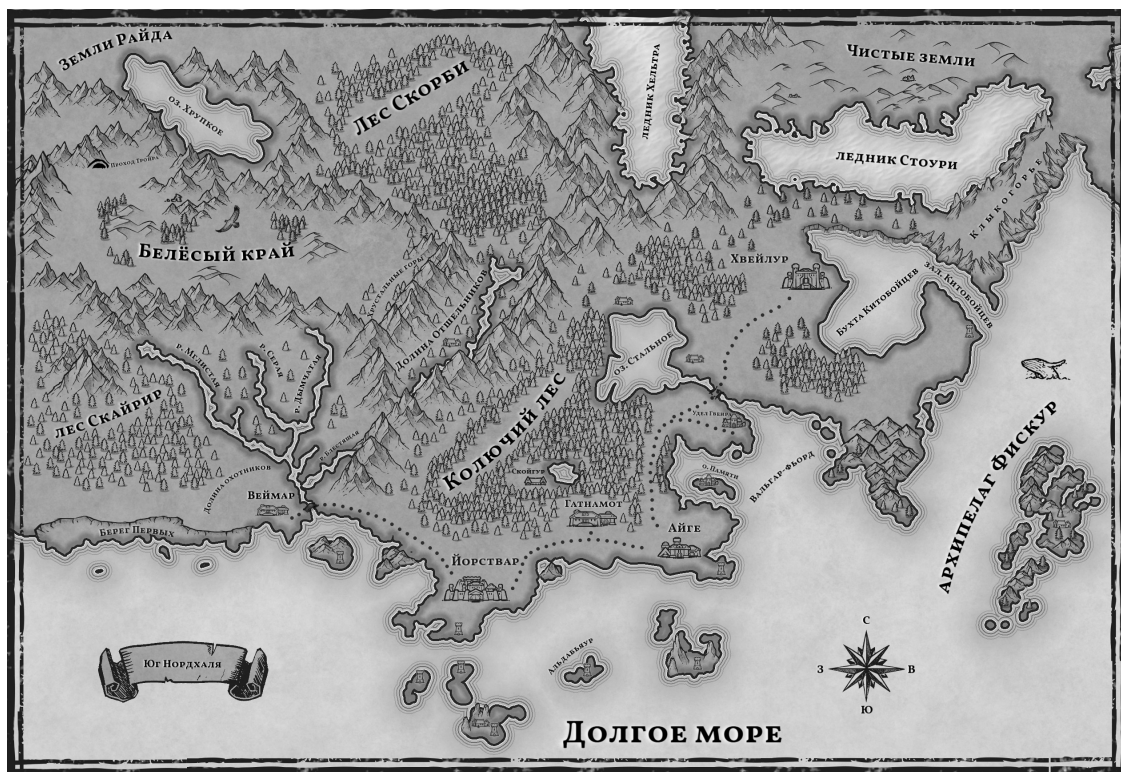
Карты	5
В снегах	7
1. Бейнер	14
2. Хальда	20
3. Хорт	23
4. Найяту	27
5. Бейнер	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниил Корнаков
Пока молчит сталь. Том первый

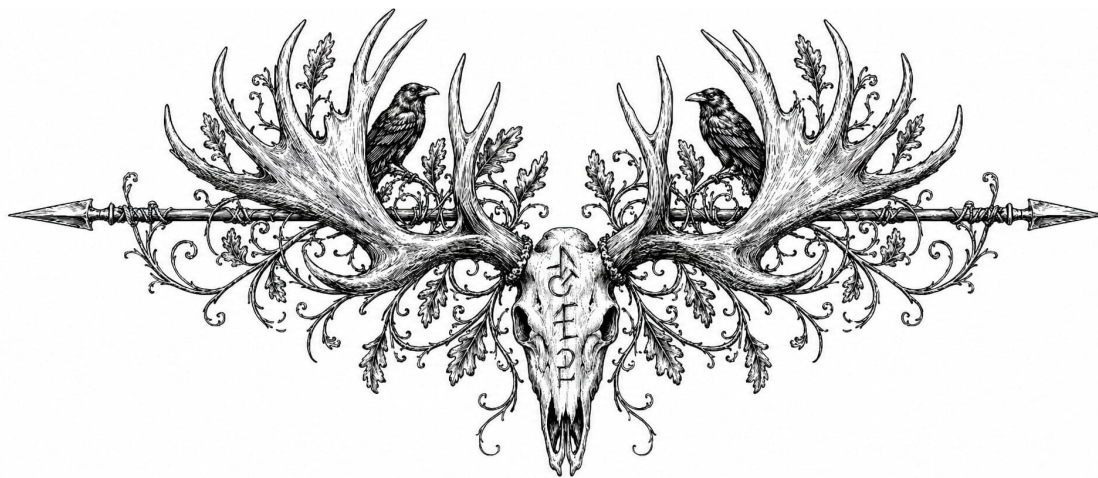
Карты

Моей дорогой Клементине

В снегах

— Ну и лапищи! — занервничал молодой райданец Гроди. — Отродясь таких не видел.

Старший охотник Хрольф встал на одно колено, стянул перчатку и приложил руку к найденному следу. Его широкая мозолистая ладонь едва ли не полностью вместились в отпечатке.

Белоснежные брови старика задумчиво нахмурились.

— Волчьи это, — заверил он, вороша рыхлый снег между пальцев. — Утром здесь проходил. С ночной охоты возвращался.

— Что-то на волчьи они совсем не смахивают, — сглотнул Гроди. — Скорее, на медвежьи.

— Вон там еще следы, — отозвалась Альви, ученица старшего охотника. Девушка стояла на высоком булыжнике, с прищуром изучая обстановку впереди.

Хрольф с Гроди неспеша двинулись в указанном Альви направлении. Сама же охотница спрыгнула на землю, сняла с плеча лук и потянулась к колчану за стрелой.

Старший охотник остановился возле россыпи крупных отпечатков на снегу и бегло их осмотрел.

— Ну точно волки, стоя, — заключил он и посмотрел на полностью вышедшее из-за горизонта солнце, — на восток ушли.

— Неужели мы за ними пойдем? — спросил настороженно Гроди.

Хрольф устало вздохнул:

— Что мы за эти три дня наохотили?

Юноша поглядел через плечо на трех навьюченных оленей.

— Несколько ворон, парочку белоснежных лис, с десятков кроликов...

— Ну и сам как думаешь, хватит этого богатства, чтоб семь сотен ртов прокормить? — неотрывно глядя на восток, произнес Хрольф.

Гроди поник головой, тихонько ею помотал.

— Вот-вот. — Хрольф откашлялся. Режущая сухость во рту мучала его вот уже несколько дней. С тех пор, как они стали гостями этих неприветливых земель. — Так что ступай готовь оленей, пойдем по следу.

Гроди побежал исполнять поручение. Хрольф проводил его взглядом: плохо закрепленное копьё сползло, и древко болталось между ног лоботряса. Хотел его окликнуть, сделать замечание, да передумал. Вот еще — горло лишний раз морозить. Пускай спотыкнется и носом землю вспашет — будет урок. Мальчишка совсем зеленый, в охотничьем ремесле мало чего смыслил, да и не только в нем...

— Зверь-то большой, старший охотник, и не один, — произнесла Альви, поравнявшись с наставником. — Думаете, сладим?

— Надо сладить, Альви. Надо, милая. — Он невыносимо устал и сейчас более всего на свете хотел горячей похлебки с жирными кусками мяса и чтобы продрогшее тело укутывала теплая медвежья шкура. — Конунг и остальные надеются. Негоже будет совсем с пустыми руками возвращаться. Волчьей стаей не попируешь, оно и понятно — сожрут все в один присест. Но лучше уж так... — Резким выдохом он прогнал накопившиеся сомнения. — Ну, будем надеется, что остальным отрядам с дичью повезло больше, чем нам.

На молочного цвета лице райданки отразилось понимание.

Если бы такие черты, как спокойствие и терпение, можно было бы объединить одним словом, то оно непременно звучало бы «Альви». Но в последние несколько дней прирожденное самообладание девушки впервые на памяти Хрольфа дало трещину.

— Не узнаю я тебя, Альви, — произнес он. — Рукам покоя не даешь, кинжал то и дело нашупываешь, стрелу выхватываешь.

— Со мной все хорошо, старший охотник, — раздался твердый ответ. — Просто...

Охотница ответила не сразу. Хрольф не торопил.

— Предчувствие у меня плохое, — сказала она наконец.

Хрольф размял затекшую шею.

— А у меня вот, напротив, предчувствие очень даже хорошее, — подбодрил он ее и хлопнул по плечу: — Сделаем дело, и будет нам волчатина на ужин. Не самое благородное мясо, конечно, но выбирать не приходится.

Вскоре троица верхом на оленях направилась вдоль вереницы следов, пока не вышла к небольшой сосновой роще. С тех пор как они оставили позади горы, деревья на их пути стали редкими гостями, сменившись сплошной снежной пеленой и булыжниками с белоснежными шапками. Здесь же сосны стояли кучкой, покрытые ледяной коркой.

Вот уже месяц они были в пути, и чем дальше на север от родных охотничьих угодий уходили, тем тяжелее становилось на сердце Хрольфа. Завидев деревья, он заскучал по соснам родного леса, запаху хвои и тропкам, знакомым сызмальства. В тених тамошних крон он провел всю жизнь, прикончил немало оленей и бурых медведей под руководством теперь уже покойного наставника. Хрольф считался одним из опытейших охотников Нордхала, но очутившись в этих богом забытых землях, вновь ощутил себя щеглом, намедни впервые натянувшим тетиву.

Рошица закончилась быстро, сменившись опостылевшей белой пустыней и вечно серым тоскливым небом. Зависшее над головой солнце едва продиралось сквозь плотные облака. А ветер крепчал, холодными потокам просачивался под рукава шуб и ледяными зубами покусывал щеки.

— Спешить надо, а то того и гляди повалит и без следов останемся, — предупредил Хрольф.

Они пришпорили оленей и направились к вырастающим на горизонте скалам. Там, у их подножия, раскрытой пастью их встретил вход в пещеру, рядом с которым раскинулось целое кладбище: черепа и кости оленей, горных козлов и разной мелкой дичи.

— Вот и логово, — сообщил старший охотник.

Гроди потянулся к копьё, не сводя беспокойного взгляда с ч черного устья.

— Альви, милая, то нехоршее предчувствие еще с тобой? — спросил Хрольф.

Альви посмотрела на него, но промолчала, тем дав исчерпывающий ответ.

Старший охотник задумчиво хмыкнул и спешился первым. Он направился к останкам зверя, положив ладонь на рукоять кинжала, заткнутого за пояс. Дойдя, остановился, посмотрел в пустые глазницы черепа козла, подметил рядом замерзшую лужицу мочи, а затем обратил взгляд к пещере и погрузился в размышления.

Хрольф, сын Вигго, за свои семьдесят два года не привык доверять суевериям. Для райданцев эти годы были лишь серединой жизни, если до старости им позволяли дожить войны, болезни и холод. И все же теперь, стоя перед пещерой, он впервые понимал тревогу ученицы. Из непроглядной глубины веяло чем-то древним и... зловещим? Холодок пробежал по спине. Будь это простая охота, он плюнул бы, развернулся и ушел прочь. Да только вот эта охота такой не являлась, и страх явиться к конунгу с пустыми руками ощущался куда острее, нежели страх перед пещерой.

— Ну в самом деле, Хрольф, старший ты охотник или кто? — пробубнил он себе в бороду.

Еще немного поразмыслив, Хрольф сделал выбор.

Он вернулся к ученикам и ответил на вопросительные взгляды:

— Начнем, пожалуй, с огня.

Он пошарил в седельной сумке, достал крохотный флакон с черной вязкой жидкостью, а затем нанес немного на обмотанную тряпкой палку. Альви уже приготовила кремь и огниво и по команде Хрольфа высекла искру. Ветошь охватило яркое пламя и приятное тепло лизнуло их обмерзшие щеки. То же самое Альви проделала с наконечником своей стрелы, брызнув пару капель на холодную острую сталь.

— Смотри не попади на древко. — Взгляд Альви скользнул по дрожащим рукам Гроди, наносившего жидкость на наконечник копья. — Попадет хоть капля, и нет у тебя копья. Ксахкинское масло горит сильнее простого огня...

— Да знаю я, — огрызнулся юноша.

— Ага, знает он...

— А ну цыц. — Хрольф помог поджечь оружие Гроди. Огонек затанцевал на остром лезвии. — Оленей привязал?

— Да, — ответил Гроди.

— Надеюсь, крепко, а не как в тот раз? — Живо было воспоминание, как еще в лесах Скайрира этот охламон слабо обмотал узду вокруг дерева, и на следующий они до полудня искали забредших в чащу животных.

— Крепче некуда, старший охотник. Клянусь местом в чертогах.

— Ну смотри мне, а не то сам будешь их искать по этой холодрыге. Я и с места не сдвинусь.

Хрольф развернулся к пещере и выставил перед собой зажженный факел.

— Волчья порода страсть как боится огня, так что держитесь рядом и от меня ни на шаг. — Этим знанием он делился, скорее, с Гроди. У Альви оно высеклось в мозгу навсегда, еще когда той и десяти не исполнилось. — Усек?

— Да, старший охотник. — Голос парня дрогнул.

— Ну все, тогда за мной.

Густой мрак обволокло охотников. Слепящий белый овал за их спинами — вход в пещеру — сужался с каждым шагом, пока и вовсе не пропал. Утих и посвистывающий ветер, и теперь раздавались лишь неторопливые шаги троичи, и ритмичные удары капель, чье эхо, как и оранжевые отблески огня, отражали каменные стены.

Хрольф поднял факел и разглядел десятки сталактитов, висевшие над их головами. Носок сапога пнул подвернувшуюся под ногу кость неизвестного животного.

Дыхание Гроди участилось, Хрольф это заметил.

— Дыши ровно, малец.

Юный охотник быстро и нервно закивал.

— Я и не думал, что пещера настолько глубокая. — Он сглотнул застрявший в горле комок.

Хрольф и сам того не ожидал. Пещера уходила все дальше, а тьма вокруг только сгущалась. Вновь скользнула в голове предательская мысль: не повернуть ли назад?

Но тут в ноздри ударил ядреный мускусный запах.

— Ну и вонища... — сморщился Гроди.

— А ты чего ожидал в волчьем логове? Запах сладкой медовухи? — с отчетливым раздражением прошептала Альви.

— Тихо! — шикнул старший охотник и замер. — Прислушайтесь.

Они обратились в слух.

— Слышите что-нибудь? — Голос Хрольф стал еще тише.

Первым ответил Гроди:

— Я ничего не слышу.

— Альви?

— Только тишина, старший охотник, — ответила райданка.

— Вот именно, тишина. Волчьей шерстью разит за версту и свежего помета здесь на каждом углу, а сами-то хозяева где?

Тревожная тишина на время связала им языки.

— Может, опять охотиться ушли? — сделал предположение Гроди.

— Исключено, — ответила Альви. — Следы снаружи совсем свежие и ведут только внутрь пещеры. Волки точно должны быть здесь.

Охотница сделала шаг к Хролфу, не спускающему взгляда с черноты впереди.

— Что будем делать, старший охотник? — спросила она.

Свет факела теперь пробивал тьму лишь на пять шагов, может, и того меньше, хотя прежде доставал на все десять. Тьма этого места казалась Хролфу живым существом, чьи могучие объятия сдавливали их все сильнее.

— Не нравится мне все это, ребятки, ох и не нравится... — ответил он и повернулся к ученикам: — Давайте-ка убираться отсюда.

— А как же конунг? Что мы ему скажем? — беспокоилась Альви.

— Я что-нибудь придумаю. — Он развернулся и прошел между ними, тщетно пытаясь скрыть душаций его страх. — Уходим.

Женский вопль раздался неожиданно, и троица вздрогнула. Скрипнула натянутая тетива Альви. С глухим стуком упало выроненное Гроди копьё. Хрольф вышел вперед, держа в руках зазубренный охотничий клинок.

Альви громче обычного прошептала:

— Это еще что за?..

Глотка пещеры разразилась умоляющим стоном, что эхом заскакал от стены к стене, пробуждая в сердце старшего охотника первобытный ужас.

— Сцапали кого-то из наших? — предположили Альви.

— Не думаю... — пробормотал Хрольф.

— М-может, кто-нибудь из других охотников? — осипшим голосом выдал Гроди.

И здесь Хролфу словно камнем по башке двинули. А парень-то, скорее всего, прав!

— За мной, — твердо и уверенно сказал старший охотник.

Альви и Гроди подчинились.

Женский вопль не смолкал. Становясь громче с каждым их шагом, он заставлял их ускоряться. Хрольф все пытался вспомнить: присутствовали в других охотничьих отрядах женщины?

— Эй! Меня слышно?! — крикнул старший охотник в неизвестность перед собой.
Ему ответил только визг.

К сапогу Хрольфа прилип клочок белого меха. Охотник потянулся к нему разглядеть получше, но сквозняк сорвал его, словно оставленный у раскрытого окна лист, и утащил за собой в мрак.

Мерзкий смрад усиливался, и к запаху сырой шерсти, мочи и затхлости примешалась резкая необъяснимая вонь, легшая терпким привкусом на язык.

Впереди показалась узкая расселина, ведущая глубже в пещеру. Женский стон доносился именно оттуда.

— Так, Гроди, ты оставайся здесь, — сказал старший охотник. — Альви, давай за мной. Гроди вжался в стену, громко дыша.

— Вы там только побыстрее, л-ладно? — теперь уже совсем не скрывая страха, попросил их молодой охотник.

Хрольф втянул живот и протиснулся в щель, держа перед собой факел. Альви затушила наконечник стрелы, плеснув на него водой из фляги, и последовала за старшим охотником.

Еще немного, и Хрольф выбрался в довольно просторный грот. Каменные стены сплошь покрывал мох и лишайник. В самом центре журчал небольшой ручеек, который слабо освещало пробивающееся через дыру в своде солнце. Самое что ни на есть подходящее местечко для волчьего логова.

Но затем взгляд старшего охотника упал вниз, и удерживающие факел пальцы онемели.

— Хрольф? — Альви протиснулась вслед за ним. — Ты...

Она осеклась, проследив за его взглядом.

Волки размером со взрослого осла были разорваны на мелкие куски. Останки зверья были разбросаны по всему каменному полу. В алом от крови ручье валялась оскаленная волчья голова, а у подножия сталагмита — выпотрошенная туша с вывернутыми кишками.

Альви села на корточки и окунула два пальца в разорванное волчье брюхо.

— Плоть еще горячая... — Теперь голос начисто лишился привычного ее натуры спокойствия.

Хрольф встретился с Альви взглядом и увидел, как в синеве ее глаз блестит огонек ужаса. Очередной дикий раскатистый вопль донесся из-за их спин. На этот раз не женский.

— Гроди! — закричал Хрольф.

Первым обратно в расселину ввинтился Хрольф, следом — Альви.

— Не отходи от меня ни на шаг, слышишь? — Стиснутый стенами, он с трудом выговаривал слова. — Ни на шаг!

Наконец щель выплюнула его громоздкое тело.

— Гроди! — Факел заметался, освещая пространство вокруг. — Гроди, заморозь тебя Свайр, отзовись,! — Свет выловил оторванную руку, мертвой хваткой сжимающую копьё с потухшим наконечником.

— Ледяной бог... — прошептала Альви, не веря своим глазам. Ее пальцы выудили стрелу из колчана и наложили на тетиву. — Кто здесь?! Выходи! — Дрожащий стальной наконечник выцеливал неизвестного врага в темноте.

Хрольф заставил себя перестать смотреть на конечность Гроди и принять неизбежное — его ученик, вероятнее всего, мертв. У него еще будет время оплакать его, задаваясь вопросами, как это случилось, но сейчас...

Он схватил Альви за руку.

— Убираемся из этого проклятого места, живо!

Теперь уже двое охотников побежали по тоннелю. Их сапоги громко стучали по камням, иногда топот сменялся плеском лужи.

— Мы пришли оттуда? — с надеждой спросила Альви.

— Да вроде бы...

«Не знаю...» — честно ответил он про себя, не желая пугать Альви.

Хрольф молился ледяному богу о проблеске света впереди. Сам того не сознавая, он принялся бормотать под нос:

— Прошу, Свайр, прошу...

И вдруг случилось нечто, заставившее двух храбрых райданцев замереть на месте. За ними началась погоня. Какофония воплей и стонов волной надвигалась на охотников. Хрольф обернулся и увидел вихрь голубых огоньков, очертаниями напоминавший гигантскую медвежью пасть. Сотни, а может, и тысячи огоньков, сбившись в плотный рой, приближались к ним. И не просто приближались, а кричали множеством голосов, каждый из них...

Альви натянула тетиву и выстрелила в самый центр этой таинственной и необъяснимой силы. Стрела пролетела сквозь огоньки, и отскочила, ударившись о стену. Охотница выпучила глаза и потянулась за следующей стрелой.

— Это не поможет! — Хрольф схватил ее за руку. — Бежим!

Охотник сорвался с места. Он крепко держал Альви, освещая им путь факелом. Шум нарастал, становился все ближе.

Выход из пещеры белой точкой прорезал тьму. Свайр услышал молитву Хрольфа. Вселившаяся в сердце надежда заставила крепче сжать пальцы ученицы, но несмотря на всю его силу, те почти сразу выскользнули.

— Альви!

Она рухнула, подвернув ногу на булыжнике. Лук упал рядом, стрелы из колчана рассыпались.

— Держись! — крикнул райданец.

Хрольф положил факел и склонился над ученицей.

— Оставь меня!

— Нет уж милочка, я тебя ни за что не брошу...

Одним быстрым движением он просунул руку под ее колени, другую — за спину. Напрягшись, он поднял ее, бережно прижимав к груди.

Выход из пещеры становился все шире и ярче. Вон уже и видны олени. Напуганные идущим из глубин пещеры неведомым звери брыкались и фыркали, тщетно пытаясь высвободиться от узды. Гроди не обманул — и впрямь привязал их на совесть...

Существо вихрем проскользнуло между ног Хрольфа и устремилось вдаль по белоснежной пустыне. Старший охотник потерял опору, рухнул на землю и выронил Альви. Послышался глухой треск, похожий на тот, что издает горящее в очаге полено. Хрольф поднял взгляд к небу и увидел, как странный вихрь из голубых огоньков с невероятной скоростью устремился к северу.

Горячая боль ниже пояса заставила его сдавленно вскрикнуть. Он перекатился на спину, поднял голову и увидел на месте своих ног лишь две культи, извергающие кровь. Облаченные в меховые штаны ноги исчезли.

Потом он посмотрел на Альви. Ее разбитая голова лежала на выступе булыжника. Глаза превратились в два белка и смотрели в никуда. Красное пятно вокруг ее лица быстро ширилось.

Он знал, что его любимая ученица теперь мертва, но все же позвал ее:

— Альви...

Хрольфу сделалось жутко страшно и невыносимо паршиво.

Возле него приземлился белоснежный ворон. Птица со всей присущей ее породе наглости подошла к нему, каркнула своим молочным клювом, и вот уже рядом с ней появились еще три таких же белоперых птицы.

— Убирайся, тварь... — из последних сил пробормотал Хрольф и попытался дотянуться до кинжала. — Пошла прочь, не то я тебя...

Но едва пальцы райданца коснулись рукояти клинка, как воронья голова оказалась возле его лица и стремительно пронзила клювом глазное яблоко.

1. Бейнер

Он поднял глаза и увидел белого ворона, кружащего над караваном из сотен райданских путников, вторгшихся в далекий северный край — его дом. И в этот миг Бейнеру, сыну Унара, подумалось, что этот ворон, должно быть, никогда прежде не видел такого скопища двуногих, оставляющих после себя длинные следы волокуш и тысячи ямок от меховых сапог. Огромной змеей райданский народ полз по белоснежной пустоши, именуемой Белесым Краем.

Рыхлый снег под ногами отзывался протяжным скрипом, а гонимые ветром льдинки превращались в острые иглы, безжалостно царапая щеки. Клубы пара изо рта с каждым новым восходом солнца становились гуще, а шуба из шерсти теперь хуже защищала от стужи.

— Эта холодрыга меня с ума сводит, — прорычал идущий впереди молодой воин, плотнее кутаясь в шубу. — Я уже лица не чувствую, а пальцев ног и рук — и подавно...

— Ишь ты, холода он испугался, — последовал жесткий ответ идущего впереди него. — Даже дети — и те молчат, ни один не жалуется, а ты сопли распускаешь.

Устыженный юноша спрятал половину лица за шерстяным воротником.

Бейнер не сильно вслушивался в разговоры шедших рядом. Его внимание все не отпуская парящий в небе ворон, чьей способности взмывать в небо он завидовал сейчас особенно сильно. Вот бы взглянуть его глазами на обстановку вокруг...

Ворон спикировал и уселся на рог оленя, тянущего сани с тяжелой поклажей. На кончике клюва цвета кости Бейнер разглядел нечто темное, похожее на кровь.

Держащий оленя за узду погонщик махнул рукой:

— А ну кыш! Пошла прочь!

Ворон раскатисто каркнул и улетел прочь, взмахивая большими крыльями.

— Тебе лук за спиной на кой? Ее не прогонять, а стрелять надо было, — слышался совет старика, прежде пристыдившего молодого райданца. — Мясо как-никак.

— Вот ты и стреляй, — ответил погонщик. — А я рукавицы намерен снять у огня, и только.

— О, еще один мерзляк... — прошептал недовольно старик.

Внезапно в голове каравана раздался громкий приказ:

— Стоять!

Идущий впереди их отряда десятник, старший в дружине воинов, развернулся, приложил ладонь ко рту и громко закричал:

— Останавливаемся! Стоять!

Приказ покатился от одного командира другому вплоть до замыкающего отряда.

Вереница изнеможенных райданцев медленно остановилась и принялась топтаться на месте в попытке согреться. Олени, недовольные внезапной переменой, фыркали и трясли головами.

Наполняя воздух клубами пара изо рта, все зашептались и пустились строить догадки о причинах остановки.

— Что-то рановато для привала, — вновь подал голос болтливый старик и вытянул шею, пытаясь разглядеть обстановку впереди.

Бейнер решил воспользоваться начинающейся суматохой. Протискиваясь между усталыми путниками, он пробрался в авангард и затерялся среди воинов, чьи взгляды были прикованы к двум фигурам впереди: конунгу Йоргену и его спутнице, укутанной в шубу из волчьей шкуры.

— Чего остановились? — шепнул он мечнику впереди.

— Приказ конунга, — ответил тот, мельком взглянув на него.

В разговор вмешался другой воин, с копьем за спиной:

— Кажись, ведунья унюхала что-то, вот и встали.

Упомянутая копейщиком женщина сбросила с головы плотный капюшон, явив длинные волосы молочного цвета. Верхнюю половину лица скрывала вуаль из тонких полосок кожи, позволяя разглядеть лишь холодный отблеск синих глаз; от нижней губы тянулась вниз татуировка с вязью райданских рун, скрываясь под меховым воротником.

Она стояла неподвижно, рассматривая безграничную белую гладь. Ее обнаженные руки, бледные, как вездесущий снег, замерли на миг над бедрами и медленно разошлись. Тонкие пальцы чуть заметно шевелились, играя на струнах ветра.

— Гляди, колдует чего-то... — раздался взволнованный голос копейщика.

Бейнер впервые увидел ведунью так близко, хотя прошло уже несколько недель, как он тайно присоединился к сборищу изгнанников с одной-единственной целью — перерезать ведьме глотку. Но ледяной бог решил усложнить ему задачку, и казавшееся поначалу несложным задание обернулось одним из самых трудных на его многолетнем поприще наемного убийцы.

Все, как и всегда в его ремесле, началось с разведки. Длительное время Бейнер наблюдал за караваном издалека, выискивая случай пробраться напрямик в авангард, как можно ближе к шатру ведуньи. Но его взгляду представала лишь целая армия хорошо вооруженных стражников, денно и нощно несущих караул. Сама же ведьма и вовсе не покидала своего временного жилища.

Служка длилась вплоть до подступов к горам, за которыми лежала Долина Отшельников. Хвойный лес редел с каждым днем, лишая Бейнера укрытия, а с ним и надежды подобраться к ведьме. А потом на пути встали высокие горы с узкими проходами — не лучшее место для наблюдений. Не оставалось выбора, кроме как стать частью каравана, чтобы попробовать добраться до цели изнутри.

Глубокой ночью он под покровом тьмы прокрался мимо охранников, несших караул в хвосте людской вереницы. В отличие от авангарда, вооруженных людей здесь было куда меньше. Оказавшись среди множества шатров, Бейнер выбрал самый большой, проник внутрь и улегся среди десятков спящих. На следующее утро новое лицо затерялось среди семи сотен путников, не вызвав ни у кого подозрений.

Изо дня в день он понемногу пробирался к своей цели. Бейнер смешивался с толпой и ночевал в разных шатрах. Он старался не выделяться, не заводить знакомств и не поддерживать с кем-либо долгих бесед, бережно сохраняя столь нужную ему незаметность.

И вот он здесь. Впервые так близко к цели.

Тем временем сотни измученных райданцев, молодых и старых, вытягивали шеи, пытаясь разглядеть фигуру вождя. В их глазах, где некогда плясал яркий синий огонь, теперь тлела лишь искра надежды. Голод и усталость брали свое — нелегко тащить тяжелый скарб в мороз и на пустой желудок.

Внезапно ведунья упала на колени и уткнулась лбом в ледяную корку. Перешептывания оборвались, райданцы задержали дыхание, и в гробовой тишине раздалось бормотание на неизвестном языке.

Конунг Йорген сбросил капюшон, обнажив ежик белоснежных волос. Он шагнул к провидице, но нечто заставило его передумать и замереть. Его пальцы нервно забарабанили по кожаной оплетке рукояти меча, выдавая его нетерпение и тревогу.

Вскоре таинственное наречие ведьмы смолкло, и шепот вновь ветром пронесся по длинному каравану.

Йорген почесал бороду и все же решился заговорить с ведьмой. Та что-то тихо ответила, и он, кивнув, обернулся к своим последователям:

— На сегодня поход окончен. Разбиваем лагерь здесь!

В колонне послышались вздохи облегчения.

— Уже? — удивился стоявший перед Бейнером копьеносец. — Мы и половины дня не прошли.

— А ты никак дальше идти хочешь в этом холоде? — спросил воин рядом.

Копьеносец замотал головой.

— Ну так заткнись и помогай разбивать лагерь.

Еще прежде, чем солнце оказалось в зените, в долине соорудили сотни шатров из шкур оленей и белых медведей. А перед самым закатом на караван обрушилась ужасная буря, бьющая по стенам укрытий острыми ледяными иглами.

В минувшие вечера, оказавшись в одном шатре с совершенно незнакомыми ему райданцами, Бейнер старался разместиться как можно дальше от остальных, накрывался шкурами и, прежде чем все заснует, внимательно слушал. Порой из разговоров ему удавалось выудить что-то полезное. Так, например, от одного из десятников, непринужденно болтающего со своими бойцами, Бейнер узнал, что шатер ведьмы служит не только ее жилищем, но и жилищем конунга. Этот разговор заставил воинов обменяться многозначительными взглядами и сдержанными ухмылками, однако никто не осмелился отпустить грубую шутку или озвучить очевидно происходившее в шатре между ведьмой и их вождем. Бейнер отметил про себя, что воины одновременно завидовали Йоргену и боялись его близости со столь могущественным существом, как эта женщина. Похоже, их уединение вызывало у воинов смешанные чувства — от благоговейного трепета до сдержанного любопытства.

В тот вечер Бейнер в очередной раз осознал, сколь трудна его миссия.

Сегодня же компанию ему составили обыкновенные райданцы, бывалые воины вперемешку с простыми крестьянами. Все они сидели возле огня, упираясь друг в друга локтями и поедая жидкую похлебку с жалкими волокнами мяса. Среди них были и старики, и совсем молодые юноши и девушки.

— Говорю вам, это ведунья бурю предсказала, — сказал слепой на левый глаз воин, скрывающий свое увечье под повязкой. В беседе Бейнер слышал его имя — Грим. — И когда та лавина сошла в Хрустальных горах, она и о ней конунгу наверняка шепнула, не иначе.

— А ты думаешь, ее зазря ведуньей кличут? — ответила ему райданка, точившая небольшой нож с кисточкой из шерсти на рукояти. Ее имени Бейнер пока не узнал. — Если она смогла начертать великое будущее нашему конунгу, то уж погоду на завтра предсказать для нее плевое дело.

— А я вот слышал... — загадочно прошептал Грим, пропустив мимо ушей слова райданки, — будто ведунья эта свалилась с неба в камне, а когда этот камень приземлился и от удара раскололся надвое, она вылезла из него, как цыпленок из яйца.

— Камни с неба не падают, Грим, — поднося миску с похлебкой к губам, ответил ему седой райданец. Он был высоким и плечистым. Мускулы на руках, несмотря на его возраст, выглядели крепче швартовочных канатов и подсказывали, что он участвовал во множестве битв. Бейнер признал в нем того самого старика, который утром советовал молодому воину не жаловаться на холод. Тот воин тоже сидел среди них, упревая задумчивый взгляд в танцующие язычки пламени.

— Только снег, дождь и лучи солнца, — продолжал повидавший жизнь райданец. — Но лично мне так все равно, с неба свалилась эта женщина или выросла из зерна белоярки. Главное, чтоб она показала нашему конунгу верный путь до горы Ёрсун.

Сказанное старик запил похлебкой, сморщился от вкуса и отбросил миску.

— Мерзлота на тебя! — взревел он. — Опять мяса с ноготь. Разве этим нажрешься?

— Охотники должны были вернуться с вылазки еще утром, — задумчиво пробормотал Грим, с печалью поглядывая на свою пустую миску.

— Куда ж запропастились эти сукины дети?

— Мы в Белесом краю, старик, — ответила райданка с ножом. — Это тебе не охотничьи уголья близь Веймара и Гатнамота с тамошними зверушками. Здешняя живность в разы выше, сильнее и злее.

— Ну ежели и так, то я пока медведей размером с хижину, и волков с клыками, как мечи, не видал.

— Ты не видал, а вот они тебя...

Старик ухмыльнулся:

— Намекаешь, что это зверье охотников наших сожрало?

Она не ответила.

Куски льда барабанили снаружи по убежищу. Жаровня согревала кости и освещала бледные лица.

— Как думаете, долго нам еще идти до Ёрсуна? — подал голос тот молодой воин.

— Столько, сколько потребуется, — с раздражением ответила райданка. Закончив точить клинок, она выдернула волос из головы и опустила его на режущую кромку. Волос распался надвое. — Надо будет, хоть до самого северного берега Нордхаля пойду, но помогу нашему конунгу заполучить дар Ёрсуна.

— А что это за дар такой, кто-нибудь знает? — спросил юноша, приковав к себе заинтересованные взгляды. — Какую силу он даст конунгу?

— Силу, достаточную для разгрома предателей и силуитов, — прошипела райданка и чиркнула лезвием по вулканическому камню, вызвав сноп искр. Видимо острота клинка ее не удовлетворила, поэтому она продолжила водить камнем по стали. — Это все, что тебе нужно знать.

— Да я вот тоже с нашим конунгом не прочь хоть до края мира пойти, — вставил старый райданец. — Только на пустой желудок мы дальше заячьего хрена не пройдем.

— Хватит уже думать об одной только жратве! — рявкнула райданка.

— А как о ней не думать? Ты сама-то как с голодом борешься, снег, что ли, жрешь?

— Я все думаю... Быть может, всем нам следовало остаться в Йорстваре, — произнес молодой воин.

Спор оборвался. Бейнер понял — назревает беда. Не стоило мальчишке вообще разевать рот.

Старик встал во весь рост, накрыл своей огромной тенью его тощее тело.

Юноша, приковавший к себе все взгляды, осознал, что сболтнул лишнего, и пустился в оправдания:

— Я хотел сказать... Возможно... — Горло его словно забила ледяная крошка.

— Тебе, значит, обратно в Йорствар захотелось? — сказала райданка, точившая клинок. Голос ее пропитался ядом. — Напомнить тебе, кто теперь сидит в главном его замке?

— Я...

Она направила острие на мальчишку, не дав тому молвить и слова.

— Предательница, вот кто! — рявкнула райданка. — Лжеконунг, которая предала свою сестру, отца, брата и все то, за что боролись они и наши предки последние пятьдесят лет. Это ты вот к ней, значит, надумал вернуться?!

Бейнер посмотрел на окружающих его райданцев и заметил на их лицах тихую злобу, направленную на говорливого юношу.

— Да нет же! Я всего лишь хотел сказать, что, возможно, если бы мы попробовали одолеть конунга Хальду другим способом...

— Конунга?! — пуще прежнего вспыхнула райданка. — Есть только один конунг — и имя его Йорген, ты, гнусный предатель!

Девушка с ловкостью снежной лисицы бросилась на парня, но Бейнер остановил ее, выбив из руки кинжал ударом меча. В шатре раздался оглушающий звон от соприкосновения стали о сталь.

— Не стоит этого делать, — сказал Бейнер, сохраняя невозмутимость.

— А ты кто вообще такой? — огрызнулась райданка. Какая-то древняя дикость шевелилась в ее глазах.

— Тот, кто прекрасно слышал приказ конунга. — Он обратился ко всем, чуть повысив голос: — И приказ этот гласил, что, если кто-то начнет сеять смуту, того следует немедленно доставить к конунгу лично.

Парня отведет он сам. Чем не подходящий повод оказаться с конунгом с глазом на глаз? А заодно с живущей под одним навесом с ним ведьмой...

Бейнер посмотрел на молодого воина, по щеке которого скользнула слеза.

— Но поскольку из-за непогоды пробраться к шатру конунга сейчас затруднительно, отложим исполнение приказа до утра. Я лично оттащу мальчишку к Йоргену.

Злобная гримаса не сходила с лица райданки. Лишь на миг нос ее шевельнулся, будто принюхиваясь.

— Пускай живет до рассвета. — Она подобрала кинжал, его клинок протанцевал между ее пальцев и вернулся за пояс.

Райданка воротилось на свое место и уставилась на огонь.

Теперь выступил старик, обращаясь к возмутителю спокойствия:

— Как твое имя, малец?

— А-аскольд, — дрожащим голосом ответил тот, подтерев сопли. — И я не хотел...

— Вот что я скажу тебе, Аскольд, — перебил его старик. — Уж лучше сдохнуть здесь от голода или замерзнуть насмерть, чем заключить союз с нашими давними врагами, как намеревается Хальда.

Он снял с себя меховую накидку и продемонстрировал юноше спину, исполосованную глубокими шрамами. Завидев изуродованное тело, мальчик вздрогнул.

— Это сделали те, с кем она собирается заключать мир. И это я еще легко отделался, в отличие от моего... — Старик осекся и сжал губы. — Если конунг завтра смилостивится над тобой, советую тебе вбить в голову одну простую вещь: силуиты и райданцы — как хищники и травоядные — вместе никогда не уживутся. И Хальда, сколько бы она ни дурила головы нашим заблудшим братьям и сестрам правильностью этого перемирия, рано или поздно сама убедится в лживой натуре ее новоиспеченных дружков. Но еще раньше конунг Йорген заполучит дар Свайра, и все мы отправимся сначала за головой предательницы, а потом закончим эту войну нашей победой и уничтожением всех силуитов. Верно я говорю?!

Все одобрительно загудели.

Старик медленно вернулся на место и как ни в чем не бывало принялся укладываться спать, бормоча себе что-то под нос.

— Вот если б только не проклятый голод!.. — проворчал он в стену из шкур. — Тогда б, глядишь...

— Это еще что за...?!

Бейнер и остальные как по команде обернулись к выкрикнувшему это Гриму, вытаращившему единственный глаз на вползающего в шатер райданца. Его лицо покрывала кровавая маска. В белых мокрых кудрях застряли ошметки мяса. Обветренные губы силились что-то произнести.

Бейнер первым отошел от потрясения. В два прыжка он оказался возле незнакомца, ухватил его под руки, втащил в шатер — и в испуге отпустил. Тело обрывалось чуть ниже груди. Там, где должны были быть живот, бедра и ноги, из рваного месива свисали лишь обрывки плоти и кишок.

— Чтoб меня заморозило... — подoйдя, выдавил едва слышно старик.

Когда Бейнер вновь нагнулся к несчастному, тот уже был мертв. Бейнер выглянул наружу, сощурился под натиском метели и разглядел, что кровавый след шел сюда от шатра в десяти шагов от них.

— Он из соседнего шатра, — обернувшись, сообщил Бейнер и вынул меч.

— Погоди, я с тобой. — Старик спешно подобрал с пола громоздкую шубу и собственное оружие.

Бейнер завернулся в дополнительную накидку из шкуры медведя, надел очки с линзами из прозрачных кристаллов, защищающие от летящего снега.

Старик, тоже в очках, подошел к нему. Они переглянулись, подняли воротники и вышли наружу с мечами наголо.

Тысячи крохотных снежных ножей и копий разом ударили по щекам. Метель почти повалила Бейнера с ног, едва он отошел от убежища. Старик же умудрялся держаться на ногах, непреклонный, как валун. Одной рукой он помог ему устоять и острием меча указал на соседний шатер, откуда раздался крик. Они подобрались ближе, отвернули полог из тяжелой шкуры и зашли.

— Заморозь меня Свайр... — прошептал старик севшим голосом.

За жизнь Бейнер побывал во многих битвах. Он сражался на земле и на воде, на его глазах гибли соплеменники и враги. Их пронзали мечами, копьями, стрелами, топорами. Он был свидетелем многих разных смертей, но увиденное здесь не шло ни в какое сравнение со всем, с чем он когда-либо сталкивался.

Тела отсутствовали. Все внутри — шкуры, личные вещи — пропитала свежая горячая кровь. Она была везде: капала с опорных шестов, хлюпала под ногами, своим медным запахом ударяла в ноздри. Не осталось ни одного уголка внутри этого шатра, нетронутого багрово-красным отпечатком смерти.

Старик и Бейнер в безмолвии наблюдали ужасную картину. Увиденное парализовало не только их тела, но и языки.

Одна из шкур дернулась. Двое райданцев обменялись взглядами и приготовились. Бейнер занес меч для удара. Старик зашевелил губами, ведя отсчет. Согнул большой палец, указательный, средний...

И резким движением скинул шкуру.

Лезвие меча Бейнера опустилось и застыло на расстоянии мизинца от лица маленькой девочки. Горевшие ужасом глаза уставились на него. Крохотные ручки тряслись, тело дрожало, как окунутое в ледяную воду.

Малышка истошно завопила.

2. Хальда

Молитвенный пруд окружала стена сочно-зеленых елей. Сквозь запорошенные снегом ветви и толстые иголки просачивался свет восходящего солнца. Звонко чирикали воробьи. Прыгая с ветки на ветку, птицы сбрасывали шишки — одни присоединялись к куче у подножия ели, другие скатывались с откоса и пробивали тонкую корку льда.

Конунг Хальда вышла к берегу, закрыла глаза и втянула ноздрями аромат душистой хвои. Запах окунул ее в далекое прошлое и вернул в тело семнадцатилетней: матушка крепко держит ее за худую руку и шепчет сверху подбадривающие слова. Хальда помнила, как не смогла сдерживать слез радости, впервые ощутив, как приятно снежная крупа царапает ступни. Помнила, как быстро забилося сердце, когда ноги перестали быть двумя бесполезными придатками.

Тогда Свайр услышал молитву потерявшей надежду девушки.

Но услышит ли сейчас? Поможет ли снова?

Хальда извлекла из ножен Неустанный. Широкое лезвие меча испещряли райданские руны, нанесенных прашурами ее древнего рода. Медленно она возложила клинок на снежную насыпь возле ног, как того требовал обычай. Затем стянула перчатки, положила их на покрытый мхом булыжник. Туда же аккуратно и не торопясь опустила плащ с меховой опушкой, кожаный пояс, шерстяную рубаху и штаны. Отстегнула ремешки на сапогах и поставила рядом.

Утренний мороз обволок ее обнаженное тело. Короткие волосы встрепнулись от легкого прикосновения ветра. Хальда подобрала меч, приложила холодную сталь между грудей острием вниз и ступила в пруд. Нога проломила корку, и священное озеро поглотило колени, бедра, шею. Хальда остановилась, лишь когда вода коснулась подбородка. Пальцы крепче обхватили рукоять меча, синий свет из глаз скрылся под опущенными веками.

— Свайр... — Зубы стучали. Тело немело. Но ледяной бог внимал просьбам своих детей райданцев, лишь когда те дрожали и мучались от холода. Так и только так. — П-прошу тебя, защити заблудших в паутине лжи детей своих. Покажи им свою силу и заставь повернуть обратно, домой. Вновь изгони их с далекого бесплодного севера, как ты это сделал однажды, и верни домой. — Веки сжались сильнее, и в последнюю мольбу она вложила все сердце: — Потуши гнев в сердце моего брата и верни его домой...

Несколько раз она повторила молитву, крепко сжимая под водой эфес фамильного меча.

— ...верни Йоргена домой...

Закончив, она вышла из воды, содрогаясь от холода. Наспех набросив одежды, Хальда поспешила оказаться в стенах родного замка. Заснеженная тропинка с выложенными по краям камнями вывела ее к дубовым дверям.

Она потянулась к железному кольцу.

— Мой конунг, — низко поклонилась стоявшая в проходе молодая служанка с белыми волосами — единственная отличительная черта, унаследованная от отца-райданца. Силу-итка-мать передала ей карие глаза и розовую мягкую кожу. — Я приготовила для вас комнату.

— Спасибо, Атла, — мягко улыбнулась Хальда полукровке. Девушку досталась ей в качестве дара от ярла Эльдура три полных зимы назад, когда она стала конунгом, заняв место погибшей старшей сестры. Ярлу стоило отдать должное — он знал толк в воспитании примерных слуг. С первого дня и по сию пору Атла исправно служила Хальде, незамедлительно исполняя любую ее просьбу.

— Если моему конунгу что-нибудь понадобится, только скажите. — Взгляд Атлы прилип к полу. — Я буду здесь.

— Хорошо. — Голос Хальды еще не до конца избавился от дрожи. — Пока ступай, отдохни.

— Да, мой конунг. — Благодарная улыбка мелькнула на розовощеком лице. Атла удалилась.

Конунг вошла в небольшую комнату с каменными стенами. Сквозь мутное стекла окна виднелись разводы лениво плывущих в сером небе облаков. На полу возле камина стояла крынка с горячим молоком. Возле перины, набитой овечьим пухом, стоял пустой распахнутый рундук. Хальда положила в него свою одежду и, укутав в меха голову тело, села напротив огня, ощущая приятное ласкающее кожу тепло.

Некоторое время спустя в дверь вежливо постучались. Конунг дала разрешение войти.

— Рейгард, — поприветствовала она улыбкой мужа — высокого широкоплечего райданца в черном дублете из жесткой кожи и меховом плаще.

— О, Хальда, опять ты за свое? — Он снял плащ и накрыл ее хрупкие тело дополнительным слоем.

— Мне это нужно, — сказала она, плотнее укутываясь в ткань, приятно пахнущую супругом. — Ты же знаешь...

Рейгард тяжело вздохнул и сел рядом.

— Они не заслуживают твоих молитв. — Он нежно принялся растирать ее озябшие руки своими шершавыми ладонями. — Этих предателей заждались Хладные Земли. Бродить вечно в нескончаемой выюге — вот их удел.

Хальда смолчала.

— Тебе следовало остановить его сразу, как только он вместе с той ведьмой обосновался в Скойгуре. Хватило бы одной дружины, чтобы разогнать это стадо упертых баранов обратно по домам, а твоего братца бросить в темницу.

— Снова ты об одном и том же, — устало вздохнула конунг. — Рейгард, как ты все не поймешь, что эти, как ты говоришь, упертые бараны костями лягут за ведьму, но не подпустят ни к ней, ни к Йоргену чужаков ни на шаг. Поступи мы по-твоему, бойни было бы не миновать, и тогда с обеих сторон пролилась бы райданская кровь.

— Кровь предателей — вот чья. — Его руки сильнее сжали ее ладони. — Мятежников, преклонивших колени перед изменником, который поправил твое законное право зваться конунгом.

— Да, все они мятежники, — согласилась Хальда. — И да, Йорген восстал против закона старшинства по крови, но от этого ни он, ни последовавшие за ним не перестали быть райданцами. И если у меня есть возможность уберечь их от гибели, я готова задействовать все известные мне способы, в том числе и молитву.

Сердце Хальды забилося чаще.

— Это все происки ведьмы... — Конунг стиснула в кулаке шкуру под собой. — Она запудрила Йоргену голову. И не только ему — всем этим несчастным крестьянам и воинам.

— Ты в этом так уверена?

Хальда не поверила своим ушам.

— Я знаю своего брата, — возразила она. — Да, он заносчивый и упертый, яко горный козел, но в здравом уме, не опороченном шепотом ведьмы, никогда бы не пошел против меня...

— Возможно... — В голосе Рейгарда звучало сомнение. — Только я всю жизнь знал твоего брата как строгого приверженца войны до полного истребления врага — по заветам твоего отца и старшей сестры.

Хальда прикрыла глаза. Ей хотелось возразить, но ни одного довода в защиту брата она так и не нашла.

— Ну а что касается ведьмы... — Рейгард взглянул на горящее в очаге полено. — Она лишь раздула пламя из искры, давно таившейся в сердце Йоргена. Не будь в нем желания продолжать войну, ей нечего было бы разжигать. Ведьма направила его гнев, укрепила его в собственной правоте и собрала вокруг него таких же ослепленных глупцов...

— Даже если и так... — Хальда отстранилась от мужа и поднялась на ноги, придерживая на плечах его плащ, шкуры, в которые она до этого куталась, сползли на пол, — это еще не повод бросать Йоргена и сотни райданцев на верную гибель. — Ее взгляд обратился к окну, за которым темнела еловая роща. — Ведьма ведет его на север. Она — его проводник. Умрет она — рассеются ее чары, а вместе с ними уйдет и безумие Йоргена.

— Что ж, в таком случае нам остается лишь полагаться на этого Бейнера... — с сомнением пробормотал Рейгард, протягивая руки к пламени.

— Хорт заверил меня, что более надежного наемника не сыскать во всем Нордхале.

— Хорт заверил... — Сомнения Рейгарда на этот раз лились через край, но Хальда относилась к ним с пониманием.

Муж переживал за нее и чуял опасность за каждым углом. Когда она объявила на собрании ярлов Нордхала о намерении заключить перемирие с королем силуитов, не все встретили ее решение одобрительными возгласами. Особенно выделился ярл Кьярт, правитель далекого Хвейлура. Старый райданец бубнил о слабости, трусости и отречении от сложившегося за почти полторы сотни зим устоя — стремиться уничтожить силуитов под корень, а их жен и детей сделать рабами. Но даже принципиальный в своей жестокости Кьярт, скрепя сердце, повиновался древнему закону, гласившему, что конунгу надлежит подчиняться беспрекословно. За неповиновение предатель рисковал лишиться голова, а всему его роду и будущим поколениям грозила метка позора.

— Ты слишком доверяешь ему, — продолжил говорить Рейгард о Хорте, ее хьялле — главном советнике конунга и втором по значимости райданцем после правителя. — Не забывай, на протяжении всей войны он служил твоей сестре, а до того — отцу, пускай и недолго.

— Хорт неукоснительно следовал закону и верно служил своему конунгу — как и все мы. — Хальда взяла крынку и пригубила молоко, оставив на губах белую пенку. — Кроме того Хорт не просто мой хьялле, а надежный друг. Он многому научил меня еще в те времена, когда я не могла встать с постели...

— Понимаю... — Рука Рейгарда легла ей на плечо и потянула к себе. — Я ведь...

— Волнуешься за меня, знаю. — Она поцеловала мужа в щеку и положила голову на его могучую грудь. — Кстати, раз уж мы заговорили о Хорте, ты не знаешь, где он? Я хотела узнать у него, как обстоят дела с подготовкой к путешествию.

— Видел в длинном доме по пути сюда, — проговорил Рейгард. — Давал Инберу уроки силуитского...

Даже не глядя на него, Хальда увидела сморщенное от омерзения лицо мужа. Рейгард не слишком приветствовал трату времени их младшего сына на зазубривание бесполезного, как ему казалось, вражьего языка. Хальда же придерживалась иного мнения, находя в подобном знании великую силу.

— А Висея? Ты ее видел?

Рейгард сухо отозвался:

— Да. Силуитка тоже с ними.

3. Хорт

Инбер, младший из сыновей конунга Хальды и ее мужа Рейгарда, пристально всматривался в стоящий перед ним деревянный ковш, до краев наполненный клюквенным элем.

— Нужные слова не всплывут со дна ковша, если на него долго глядеть, Инбер, — терпеливо объяснил юноше Хорт, выждав некоторое время. — Для этого цели лучше всего сгодятся извилины в твое голове.

Сидевшая рядом с ним на скамье названная сестра Инбера прижимала ладонь ко рту, борясь с норовившей вырваться наружу подсказкой. Изумрудные глаза силуитки обратились к учителю, безмолвно вымаливая разрешение оказать брату помощь. Но Хорт оставался непреклонен и лишь легко покачал головой.

— Заморозь меня Свайр, если я еще хоть словечко произнесу на этом языке! — возмутился Инбер, так и не вспомнив как звучит на силуитском просьба подать ему эля. — Какой в этом прок? Пошли лучше на полигон и потренируем колющий удар.

— Всеу свое время, Инбер. — Голос наставника звучал спокойнее самой тихой ночи. — Помнишь, что я говорил тебе про силу языка?

Парень запрокинул голову и пробубнил в потолок:

— Взмах меча способен убить одного. Слово же имеет силу погубить тысячи.

— И не только погубить, но и спасти, — добавил Хорт. — И твоя матушка тому замечательный пример.

Мальчик продолжал негодовать:

— Пускай и так, но почему я должен учить их язык? Почему силуиты не учат наш?

— Потому что силуитский в разы проще райданского, — поучительным тоном молвила Висея, слегка задрвав острый подбородок. Огненно-рыжие волосы девушки заметно выделялись на фоне бледных каменных стен, стола из тусклого дерева. — Пока силуит сообразит, как правильно произнести «корабль» на нашем, райданец уже без акцента будет распевать песни на их родном языке.

— Висея верно говорит, — подхватил Хорт. — Во время странствий по Варталиону я неоднократно шуточки ради просил алрамейца или какого-нибудь ксахкианца произнести простейшее слово на райданском. Ну, скажем... — костяшкой указательного пальца он ударил по столешнице, — «стол». Но стоило им только рот открыть, так у них сразу языки заплетались и слово превращалось в кашу из звуков.

Но молодой ученик не сдавался в своем упрямстве. Он напыжился и молвил:

— Проще волка научить есть траву, нежели выучить силуитский.

— Не отлынивай ты от уроков, уже давно ответил бы на мой вопрос и говорил бы так же хорошо, как и Висея.

— Ну еще бы силуитка и не говорила на силуитском...

Висея ущипнула брата за плечо.

— Ай!

— Глупенький мой братец, может, мне напомнить тебе... — она со смехом увернулась от ответного щипка, — что я, как и ты, родилась в Нордхале и прожила здесь все свои шестнадцать зим, никогда прежде не слыша родного языка?

Инбер не унимался и нацелился ущипнуть Висею за бедро.

— Ну все, прекращайте! — вмешался в начинающееся баловство Хорт, повысив голос. — Давай, Инбер. Я знаю, ты сможешь. Напрягись и вспомни, как ты попросишь на силуитском принести тебе ковш с элем.

Мальчишка закатил глаза и стал мямлить:

— *Фрэ...*

— Нет. *Бри́н...* — подсказал ему Хорт, питая слабую надежду, что парень вспомнит и остальное.

— Да точно, — фыркнул Инбер, почесывая висок. — *Бри́н до́м джу́...*

Хорт поднял брови и подался немного вперед, демонстрируя, что ученик на правильном пути.

— *Бри́н до́м джу́и...* — Мальчишка нервно потер наморщенный лоб, пытаясь вспомнить последнее слово. Наконец лицо его озарилось улыбкой, и он победоносно воскликнул: — *...та́гу!*

Висея схватила за живот и, захохотав, повалилась на скамью. Хорт улыбнулся, но развеселила его не столько ошибка Инбера, сколько заразительный смех способной ученицы.

— Что? Что я сказал? — Щеки Инбера налились краской. Обиженный и одновременно растерянный взгляд переходил с Хорта на сестру и обратно.

Сквозь смех Висея выдавила:

— Собрался выпить дом, братик?

— Дом? Какой дом?

— *Та́гу* — это дом, Инбер, — подсказал Хорт, сам едва сдерживаясь от смеха. — Но стоит отдать должное, ты был близок. Эль на силуитском звучит похоже: *да́гу*.

— Ну все, хватит с меня этого дурацкого языка! — Инбер вскочил со скамьи и ненароком опрокинул ковш. Эль растекся по дубовому столу темным пятном.

Висея поймала брата за руку, снова ущипнула, на этот раз за бок, и принялась дразнить:

— Большой мальчик испугался силуитских слов!

Терпению Инбера пришел конец.

— Ах ты! Ну держись!

Висея взвизгнула, когда брат обхватил ее за талию и осторожно повалил на теплую шкуру, постеленную на полу. Пальцы мальчишки проникли под шерстяную тунику и защекотали живот сестры. Висея извивалась, визжала и сдавленным от хохота голосом умоляла прекратить. Веснушчатые щеки силуитки сверкнули влагой слез. Рыжие волосы волнами разукрасили белоснежный мех.

Наблюдая за девушкой, Хорт внезапно подумал:

«Как она выросла! А ведь еще недавно я и Хальда помогали ее матери разрешиться от бремени в паре сотен шагов отсюда...»

Висея прибыла в Нордхаль в утробе своей матери, когда ту схватили в одном из налетов на северную часть Кса́хко. Хорт помнил эту женщину, помнил ее красоту и огненно-рыжие волосы, сияющие среди белых волос райданцев, как оранжевый закат над заснеженным лесом. Внешность Арны — так ее звали — стала ее избавлением от тяжелого труда в каменоломнях, позволив занять место служанки возле Хальды.

Сталкиваясь в те времена с Арной, Хорт постоянно слышал жалобы на непривычный для нее холод. Тогда еще никто не подозревал, что таким образом она скрывала под несколькими слоями рубах и туник постепенно растущий живот. Длительный обман вскрылся, лишь когда во время подачи обеда, прямо на глазах Хальды и всей собравшейся за столом семьи, включая правящего в те годы конунга Драгию, у Арны начались схватки.

С полудня до самой ночи Арна мучалась от невыносимой боли, подбадриваемая лишь своей хозяйкой Хальдой, которая и сама лишь несколько лун назад в третий раз испытала муки деторождения, произведя на свет Инбера. И лишь когда в иссиня-черном небе загорелись первые звезды, девочка совершила свой первый вздох. А ее мать — последний. Но прежде чем умереть, сквозь рыдания Арна молила Хальду сохранить малышке жизнь и назвать ее Висеей.

Хальда не только исполнила предсмертное желание матери, но и нечто большее. Она сделала из чужеземки воспитанницу, дала ей крышу над головой и поделила с несчастной сиротой хлеб.

С тех пор прошло уже шестнадцать лет, но до сего дня немногие остаются довольны ее решением.

В зал зашла Хальда.

— Что здесь происходит? — рявкнул Рейгард, появившийся следом за ней. Глаза рай-данца сузились в свирепые щелки.

Инбер отпрянул от Висеи, как от прокаженной, и незамедлительно поднялся на ноги.

— Отец, я...

— Все в порядке, сын, — оборвала его Хальда. — Хорт, как я понимаю, урок окончен?

— Да, мой конунг. — «Хоть и преждевременно». — Висея делает значительные успехи, а вот Инберу не помешает больше практики.

Рейгард фыркнул. Ни для кого не было секретом, что затея Хальды тратить время мальчишки на изучение силуитского претила ему с самого первого урока три зимы назад.

Конунг одобрительно погладила Висею по плечу. Когда же ее рука потянулась к сыну, тот неловко качнулся в сторону, избегая касания матери.

Взгляд его обратился к Хорту:

— Я могу идти?

— Наши занятия окончены, — ответил Хорт. — Ты можешь идти, если твоя мать не возражает.

— Не возражаю. — По лицу конунга скользнула мимолетная печаль. — Ступай, Инбер. И ты тоже иди, Висея. Нам с Хортом нужно поговорить.

— Как скажете, матушка, — ответила девушка.

Инбер промолчал.

Дети поспешили к выходу. Когда Висея прошла мимо Рейгарда, поклонившись ему в знак вежливости, тот поморщился так, словно надкусил яблоко и обнаружил, что оно червивое. Едва дверь закрылась за ними, в коридоре послышался быстрый топот и тихие смешки.

Рейгард что-то пробубнил себе под нос.

— Неужели Инбер никогда мне этого не простит?.. — проводив взглядом детей, полусшепотом произнесла Хальда.

— Дайте мальчику время, мой конунг, — сказал Хорт, подбирая опрокинутый ковш, — и он поймет, какую великую услугу оказывает всему райданскому народу, соглашаясь на брак с силуитской принцессой. — На дне еще осталось немного эля, и он выпил его одним глотком.

— Я совершенно не в восторге от этого брака, но, вынужден признать, Хальда, внести брачный союз как одно из условий мирного договора — блестящая идея! — Рейгард сел на скамью и широко расставил ноги. — Если силуитский король ненароком вздумает его нарушить...

— Во-первых, договор между нашими народами еще не заключен. — Хальда бросила строгий взгляд на супруга. — А во-вторых, силуитская принцесса будет пребывать в нашем замке в роли хозяйки, а не заложницы, Рейгард.

Рейгард не успел добавить и слова, как Хальда обернулась к Хорту, ставя точку в обсуждении брака их младшего сына.

— Драширы готовы к отплытию?

— Утром погрузили последние припасы, — ответил Хорт. Он лично распорядился наполнить трюм мешками с зерном белоярки, вяленой козлятиной и сушеной ягодой.

— Я намереваюсь покинуть Йорствар в течение следующих трех дней, — объявила конунг. — Сообщите об этом всем командирам дружин, пусть будут готовы.

— Будет сделано, мой...

Дверь за спиной Рейгарда приоткрылась, и в проеме показалась Атла.

— Мой конунг, — робко произнесла девушка, — простите за беспокойство. Вестник Кьольд велел мне передать, что слышит Голос.

Кьольд являлся одним из немногих обладателей Хладного Голоса — способности общаться на расстоянии с другими райданцами с тем же даром. Такие рождались один на десять тысяч и немедленно оказывались в замке конунга или усадьбах ярлов, получая ответственную должность Вестника между северными правителями. Помимо Кьольда Хорт знал лично еще двух Вестников: один из них прямо сейчас пребывал в роли посла в сердце силуитской столицы, поддерживая связь между королем и конунгом, а второй же был его, Хорта, учеником и сейчас на далеком севере исполнял важное поручение.

Именно его упомянула Хальда, как только Вестник Кьольд, сидевший на койке, вышел из глубокого транса.

— Бейнер говорил с тобой, Кьольд? — с тихой надеждой обратилась она к Вестнику, опустившись напротив него.

— Нет, мой конунг. — Тыльной стороной ладони он вытер вытекшую из носа стручку крови. — То было послание от вашего сына Ивара. Он сообщает, что пленник доставлен в оговоренное место.

— Хорошо... — ответила Хальда с едва слышным сожалением. — Передай моему сыну, чтобы он оберегал нашего пленника и относился к нему с почтением. От этого зависит мир в Варталионе... Но прежде отдохни.

Ценой Хладного Голоса всегда были головокружение и головная боль. И чем длиннее было расстояние, тем сильнее проявляли себя эти два недуга.

— Благодарю вас, мой конунг, — сказал Кьольд и немедленно плюхнул голову на подушку. Хальда обернулась к мужу и Хорту.

— Я беспокоюсь... — прошептала конунг. — Бейнер не пользовался даром с тех самых пор, как внедрился в караван. Не нравится мне все это...

— Тяжело воспользоваться даром Хладного Голоса в подобных обстоятельствах, оставаясь при этом незамеченным, — подсказал Хорт.

— Сколько прошло уже? Недели три? — Рейгард скрестил руки на груди. — Такими темпами он уже наверняка в Белесом Краю. Может, Кьольд все же попробует связаться с ним?

— Как я говорил конунгу прежде, это слишком рискованно, — отринул предложенное Хорт. — Принимая голос другого Вестника, он впадет в транс, и если в этот миг кто-нибудь будет с ним рядом и увидит его в таком состоянии, то наверняка заподозрит неладное. Ради собственной безопасности Бейнер должен связаться с нами только сам.

Наполненные тревогой глаза Хальды обратились к Хорту:

— А что если его уже нет в живых?

Хорт постарался смягчить обеспокоенность конунга улыбкой:

— Тогда, боюсь, мой друг, обучавший Бейнера искусству скрытого убийства, сильно ошибался, нахваливая таланты своего ученика.

4. Найяту

— Смотри куда прешь, грязномазый!

Патрульный толкнул ксахкианца, и сбитая с его плеча связка соболиных шкур упала в лужу.

— Ну что за нерасторопность! — хохотнул патрульный, плюнув ему под ноги. — Пошустрее надо!

Найяту было не привыкать к дерзкими выходками силуитов, прозванных его народом *ниитами* — чужаками. Он, как и его спутник Вичитту, не проронил ни слова в ответ на оскорбление. Стараясь не пересекаться взглядом с задирой, Найяту подобрал шкуры. Мездра промочла едва не насквозь, часть грязи попала и на белый мех.

— Не награждай этого ниита своим гневом, брат, — прошептал на родном языке аакси брат по охоте Вичитту, помогая ему. — Он только того и добивается.

Найяту потушил вспыхнувший было огонек гнева в груди и вместе с Вичитту спешно зашагал по лесной тропе, не оборачиваясь на оскорбительные выкрики за спиной.

Пройдя сотню шагов, они вышли из рощи и очутились на небольшой лужайке. Яркий солнечный свет позволил Найяту лучше разглядеть его ношу и прийти к неутешительному выводу:

— Теперь эти шкурки ни на что не годны. Как я их продам?

— Дай-ка взглянуть. — Вичитту взял из его рук шкурку и пощупал мездру. — Эту грязь вполне можно убрать настоем из белых лепестков ромашки, а потом хорошенько просушить. Придется немного повозиться, но если сделаешь как надо, будет чище прежнего.

— У меня на это нет времени. Наша охота и без того затянулась — я обещал принести господину Ладмеру шкуры еще два дня назад! Но теперь... — Ком злости подступил к горлу, мешая Найяту договорить.

Вичитту внимательнее осмотрел соболиные шкурки и сказал:

— Вот что, Найяту, я дам тебе часть своих чистых шкурок взамен твоих особенно грязных. Моего господина не гонит спешка. Скажу ему, что принесу остальные на будущей неделе, а ты к тому времени почистишь эти и отдашь мне.

— Я не могу пойти на это, Вичитту. Шкуры за твоей спиной — твоя добыча, не моя.

— Мы с тобой охотились плечом к плечу, брат. — Вичитту стиснул его плечо сильными пальцами. — Без твоего собачьего слуха и кошачьего зрения я бы так и плутал в лесу, выискивая соболя.

Найяту не сдержал улыбки от охватившего его облегчения и благодарности к Вичитту.

— Я не забуду твоей доброты, брат. — Найяту сжал и его плечо, ответив согласием на предложение.

Они обменялись шкурами и продолжили путь.

Тропа от деревни их племени до силуитской столицы пролежала вдоль окраины Волчьего леса. Вытоптанная сотнями прошедших здесь путников дорога блеклой полосой поднималась на лысый холм, спускалась зигзагом по крутому спуску и приводила к реке Змеиной. Двое охотников пересекли ее по узкому деревянному мосту и окунулись в чащу. Шаг за шагом деревья редели, сменяясь гниющими пнями и пожухлой травой. Прошедшим летом здесь орудовала огромными топорами и пилами армия силуитских дровосеков. Срубленные пихты и буки погружали на большие телеги и отвозили на верфь, где превращали в корабли для войны.

Пока охотники шли по вырубке, Найяту вспоминал густые заросли, некогда царившие здесь.

И вот на горизонте появилась сама Вальдерия, огромный город, воздвигнутый на широком мысе и окруженный высокой стеной из белого камня. Отсюда казалось, что силуитскую столицу держала широкая ладонь, усыпанная множеством узеньких улочек и домов с черепичными крышами. На скале возвышался королевский замок, увенчанный несколькими башнями.

Найяту помнил, как впервые увидел город, будучи совсем маленьким. Уже тогда он казался ему огромным: сотни деревянных бараков, десятки еще только прокладываемых улиц, первые каменные дома вокруг замка и гигантская площадь в самом его сердце. Там, не покладая рук, тысячи ниитов возводили храм своему Единому. А в гавани у мыса было не протолкнуться от военных кораблей.

С тех пор дух Сидох, под жарким бдением которого родился Найяту, возвращался двадцать семь раз. За это время столица ниитов разрослась вдвое, а может, и втрое. На мысе становилось тесно, городским стенам уже не удавалось сдерживать ее рост. Новые дома один за другим появлялись снаружи, и владения ниитов ползли все дальше на запад.

Охотники подошли к главным воротам и показали стражникам бумаги с доверительной печатью. Те пробежались глазами по написанному, вернули пергамент и дали им пройти.

Каждый раз, когда после тишины родного леса Найяту оказывался в Вальдерии, его ушам приходилось привыкать к непрекращающемуся гвалту и возне. Улицы утопали в бесконечных разговорах: тут кто-то пытается сбить цену, там устроили небольшое выступление, играя на лютне, где-то кричит стража, приказывая остановиться несущемуся во всю прыть мальчонке с краюхой хлеба в руке.

В царившей в городе суматохе встречались и другие аак'си — как из родного Найяту и Вичитту племени Вакави, так и живущие чуть севернее, из племен Шунка и Такони. Все они выполняли самую грязную и неблагодарную работу: таскали поклажу, сгибающую их спины в три погибели, убирали лошадиный навоз с брусчатки, стирали грязное белье за своими хозяевами. Лишь малая часть коренного народа Ксахко могла похвастаться не унижительным положением среди силуитов. К примеру, Найяту слышал, что несколько аак'си из племени Шунка удостоились чести примкнуть к королевской страже, заплатив за это отказом от учения Матери Иккси и приняв веру силуитского бога. Так же случалось, что девушки его народа, которых природа одарила милым личиком и стройной фигурой, попадали в служанки при королевском дворе. Девушки аакси славились своей исполнительностью и хозяйственностью.

Найяту не принадлежал к тем, кто выполнял примитивную тяжелую работу, но и привилегированным положением похвастаться не мог. Всю жизнь он проводил в лесу на охоте, добывая шкуры для силуитских господ. Многие его соплеменники, умаянные грубым трудом, могли лишь втайне завидовать его ремеслу.

— Здесь наши пути расходятся, брат — сообщил Вичитту, кивнув на улицу, ведущую к восточному кварталу.

— Спасибо за шкуры, — поблагодарил его Найяту, — я не забуду твоей доброты.

Вичитту улыбнулся ему, пожелал благословения Матери и отправился своей дорогой. Найяту проводил его взглядом, поправил связку шкур на плече и двинулся дальше.

Пройдя мимо булочных, от которых сладко пахло сдобой и сиропом, он добрался до конца улицы и свернул в квартал кожевников. Ноздри пронзил столь отрадный ему запах дубильных растворов и кожи.

Найяту прошел вдоль приземистых зданий с вывесками мастеров, обходя выставленные снаружи рамы для растягивания и сушки кожи, соседствующие с бочками для ее вымачивания, пока не дошел до дверей лавки Ладмера. Перед тем как зайти внутрь, он еще раз осмотрел часть испорченных шкур, с досадой вздохнул и, надеясь на лучшее, открыл дверь.

— Закрыто! — раздался из-за прилавка хриплый голос, стоило Найяту переступить порог. — Там же висит табличка! Или... не висит?

Табличка не висела.

— Это я, господин Ладмер.

Голова хозяина лавки показалась из-под стола.

— А, Найяту, пришел наконец! — добродушно улыбнулся он. — А я все гадал, когда ты наконец воротишься. Принес шкуры?

— Да, господин Ладмер.

— Прекрасно. — Он отряхнул ладони. — Ты не стесняйся, пока присядь, а я тут... — Его голова снова нырнула под прилавок. — Да где этот деготь, объятий Единого ему не видать!

Найяту предпочел остаться стоять. Он не раз бывал в этой лавке и все не переставал удивляться, как ее хозяин содержит здесь все в чистоте и порядке. Пласты обработанной кожи лежали стопкой. Плащи, отороченные мехом, висели на крючках, ожидая своих хозяев. А какой у него был изумительный стол для работы с кожей!

Рассматривая все и представляя, как эта сыромятная кожа, эти ремни и плащи когда-нибудь будут висеть и в его лавке, Найяту заметил баночку с коричневым веществом на одной из полок.

— Долго ты что-то! — буркнул Ладмер. — Я ждал тебя еще два дня назад!

— Пришлось уйти глубже на юг Волчьего леса, господин Ладмер.

— Зачем так далеко? Разве ты не охотился на другом берегу залива Быстрый?

— Так и было, до тех пор пока в те леса не заявились охотники из Шерхуда и Щучьей Пасти. Они не пропускают аак'си в лес.

Кожевенник поднял голову из-за прилавка, ударившись при этом затылком.

— Ах ты... Объятий им Единого... — Он взглянул на Найяту, потирая ушиб. — То есть как это не пропускают?! Кем себя возомнили эти шерхудские и щучьи с головы до ног провонявшие рыбой сукины дети?

Найяту подошел к полке и взял баночку с дегтем.

— Мы пытались расспросить у них, почему не пропускают, но нас прогнали и пообещали убить, если появимся снова. — Он поставил баночку на стол.

Ладмер с недоумением взглянул на деготь, затем на Найяту.

— Бандиты, вот они кто! — немедленно сделал вывод кожевенник. — Бандиты и воры! А знаешь почему? Потому что через несколько дней они придут ко мне с дырявыми шкурами и захотят продать их в два, а то и в три раза дороже добытой тобой.

В голосе Ладмера соседствовали горячий гнев и тихое отчаяние.

— Да, спасибо за деготь, — поблагодарил он и, сев на стул, ненадолго погрузился в размышления. Затем тряхнул головой, словно очищая от тяжелых мыслей, и чуть бодрее произнес: — Ладно, показывай, что ты мне принес.

Найяту положил связку на прилавок. Ладмер вынул из кармана монокль, зажал кругляшок стекла между бровью и щекой и развернул одну из шкур.

— Что стряслось?.. — спросил он, заметив пятна грязи.

— Упал по дороге сюда.

— Упал? — недоверчиво проговорил Ладмер, убрал монокль и впился в Найяту изучающим взглядом. — Ты, друг мой, хоть и прекрасный охотник, но лжец из тебя, как охранник для зерна из мыши. Твою ложь выдают глаза, ты это знаешь? Что, опять кто-то из моего народа возомнил о себе много и решил отыгаться на тебе?

Найяту опустил взгляд в пол.

— Ясно... — Ладмер погладил шкуры, пробуя их на ощупь. — Когда-нибудь этому наступит конец, Найяту, и грехи этих злодеев обязательно учтет Единый: они предстанут перед ним и со слезами на глазах узнают, что лишились его теплых объятий.

Найяту ничего не ответил. Слова Ладмера, при всем уважении к нему как к исключительно добропорядочному нииту, не значили для него ничего, особенно когда речь шла про их бога.

— Я буду с тобой честен, — вздохнул кожевник, и Найяту сразу уловил в этом вздохе предвестие дурных новостей. — Дела в лавке сейчас совсем плохи из-за этой проклятой блокады. Народ предпочитает тратить последние деньги на еду, им нет дела до старика, делающего ремни и камзолы. Полагаю, ты и сам это понимаешь. — Его пальцы забарабанили по столу. — Знаю, я обещал тебе хорошую цену за эти шкуры, но последние несколько дней дела идут хуже некуда. Увы, я не смогу заплатить тебе столько, будь они даже все до единой чистые.

В лавке воцарилось неловкое молчание. Последние слова, сказанные стариком, для Найяту были как стрела, пронзившая голову.

— Господин Ладмер, близится сбор подати...

— Да, я понимаю. Мне, как и тебе, предстоит бросить немалую долю кровно заработанных денег в счет оплаты этой проклятой войны нашему королю-недоноску. Но что поделать?..

Ладмер залез под прилавок. Раздался звон монет, и на столе перед Найяту оказались двадцать серебряных ливаров — крошечная часть от суммы, что ему предстояло выплатить сборщикам дани.

— Прости, Найяту, я знаю, этим и курицу не накормишь. Но это все, что я могу дать сейчас с учетом собственных налогов. Но я не настаиваю! — Он подвинул шкуры обратно к Найяту. — Ты можешь попробовать предложить их другим мастерам, но, уверяю тебя, больше моего они тебе не дадут.

И с этим Найяту был согласен. Из всех мастеров квартала кожевников лишь господин Ладмер честно оплачивал добытые шкуры. Остальные же, как и многие нииты, питали к коренным жителям Ксахко одну лишь неприязнь. Понимая это, Найяту, не сказав ни слова, сгреб монеты в мошну и туго затянул бечевку.

— Благодарю вас, господин Ладмер, — выдавил Найяту и поплелся к выходу.

— Скажи, а этот твой плащ... — В воздухе раздались щелчки пальцев.

— Кв́авикхол, — подсказал Найяту название повседневной одежды его народа — шерстяной накидки, перекинутой через плечо и стянутой у горла простой костяной застежкой.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, друг мой, — Ладмер вышел из-за прилавка и подошел к Найяту, — но это не шерсть редкого белогривого волка?

— Да, она самая, господин Ладмер.

Кожевник протянул руку, спрашивая разрешения коснуться накидки. Найяту не возразил.

— Добротная вещица, — пальцы погладили ровные швы. — Знаешь, если я распорю эти орнаменты и проверну пару трюков с моим знакомым портным, то смогу предать этой шерсти совсем новехонький вид. Знаю я одного высокопоставленного силуита, который сможет заплатить очень высокую цену за столь редкий материал. — В глазах Ладмера заблестели яркие огоньки выгоды. — Что скажешь? Доход поделим поровну.

Найяту слышал в голосе старика искреннее желание помочь.

— При все уважении к вам, господин, — ответил он, — но я не могу этого сделать.

— Почему?

— Потому что это подарок моей жены. — Найяту взялся за конец квавикхола и с нежностью прикоснулся к полоске повторяющегося с поразительной точностью изображения кинжала, лука и пораженной стрелой в сердце косули. — Богиня-Мать Иккси направляла пальцы моей Шимы, даруя ее вышивкой благословление на все предстоящие охоты. Она трудилось много дней, уколов множества раз пальцы костяной иглой.

— Вот как? А что если я скажу тебе... — Ладмер привстал на цыпочки, приложил раскрытую ладонь ко рту и прошептал: — что упомянутый мною силуит отвалит за изделие из этой шерсти сто, а может, и все сто пятьдесят сур? — Он слегка ткнул пальцем Найяту в грудь: — Половина из которых будут твоими!

Такая сумма с лихвой покрыла бы всю подать, оставив сверху еще добрую часть монет. И все же...

— Даже будь это сотня золотых роалей, господин Ладмер. Квавикхол, над которым трудилась моя жена, останется со мной.

Ладмер засмеялся.

— Слишком уж ты правильный, Найяту. Это тебя погубит, помани мое слово! В нашем мире, где правят подонки, нет места чести. Тут кругом все норовят друг друга обмануть и ограбить. — Ладмер произнес это с придыханием, словно сам ежедневно имел дело с озвученными бедами. — Ну хорошо, мой друг, так и быть!

Найяту вопросительно посмотрел на Ладмера, чье полноватое лицо засияло от улыбки. Жестом он поманил его обратно к прилавку, приглашая для личной беседы.

— Вот что, на следующей неделе я должен уехать в Сторгград навестить мою сестру Лину. Эта позорная битва при Шелковом заливе сделала ее вдовой, оставив одну-одинешеньку с четырьмя детишками.

— Сожалею, господин Ладмер, — ответил Найяту, вспомнив, как нииты обыкновенно отвечают в подобных случаях.

Старик небрежно отмахнулся:

— Нечего тут сожалеть. Муженек ее получил по заслугам. В последнем письме Лина призналась, как он последние несколько лет нещадно ее колотил прямо при детях. Напивался в стельку и распускал ручищи. И эта дурочка, моя сестра, боялась мне написать и все выложить как есть, представляешь? Думала, я приехал бы и прикончил бы его.

Ладмер наморщился и фыркнул носом, словно взявший след пес.

— А вы прикончили бы?

— Прикончил? Нет, куда уж там! Я поступил бы изящнее: порвал бы его на куски и скормил бы свиньям. — Он ударил себя кулаком по груди: — Я хоть уже и немолод, Найяту, но в морду дать способен не хуже этих сопляков из королевской стражи, а уж в особенности констеблей, этих жалких немощей...

Кожевник почесал мясистый нос желтым ногтем и прочистил горло.

— Ко всему прочим бедам Лина еще и написала, что тяжело больна. Поэтому и хочу поскорее ее привезти сюда, в Вальдерию. Здесь лекари всяко лучше, чем в тамошней дыре... Ай, ладно! — Он взял тряпку со стола и протер руки. — Много я слишком болтаю! На старости лет все вроде молчаливее становятся, а я наоборот полюбил языком трепаться. Короче, друг мой, такое у меня предложение к тебе: сможешь ли ты приглядеть за лавкой, пока я в отъезде? Не за даром, разумеется. Обещаю, что заплачу тебе необходимую для подати сумму. Для этого, конечно, придется продать несколько вещичек моей сестры... Но такая вот будет с нее плата за переезд!

Найяту просиял. Не верилось, что проблема его решится столь стремительно.

— Конечно! — ответил он без промедления, едва сдерживаясь, чтобы не схватить старого кожевника в объятия. — Конечно, господин!

— Вот и чудно, чудно! Сам знаешь, времена сейчас непростые. Ворья из-за блокады расплодилось, как саранчи. Хочешь верь, хочешь нет, но меня за этот месяц пытались обчистить целых два раза! Я давеча думал поручить это дело моему кузену, да только он все не просыхает. Кажется, вместо крови у него теперь течет один только сидр. Забыл уже, когда видел этого ублюдка трезвым! Боюсь, напортачит, сам вора дверь откроет... А после откровений сестры, я пьяниц пуще прежнего на дух не выношу.

Найяту оставалось лишь поддакивать, надеясь, что господин Ладмер не передумает.

— Только есть два условия. — Ладмер показал два пальца, указательный и большой. — Первое — я хочу, чтобы ты находился здесь постоянно на протяжении всего моего отсутствия.

Лавка ни на секунду не должна оставаться без присмотра. Все эти замки, щеколды — плевое дело для местного ворья.

Это условие было трудным. В течение двух недель не быть с семьей и сидеть в четырех стенах, пускай и таких чудесных, задача не из легких. Но нужда в монетах не оставляла выбора, и Найяту согласился.

— Ну а второе — работа со шкурами во дворе. Пойдем, я тебе все покажу...

Ладмер провел небольшую экскурсию по своим владениям. Показал кладовую, где хранил припасы с разнообразной утварью для ежедневного пользования и, разумеется, сердце всей лавки — мастерскую на заднем дворе. Оказавшись там, он поведал о недавней попытке злого проникновения туда парочки грабителей, желающих заграбастать его драгоценные шкуры:

— Слышу шум снаружи и выскакиваю во двор в чем мать родила... — Здесь он прервал рассказ и счел нужным добавить: — Всю жизнь голым сплю, полезно для здоровья. — После чего продолжил: — И что я вижу? Два выродка крадутся в тени, башками вертят, выцеливают наживу. Ну я хватя вон ту колоду обеими руками и бросил прямо в сукиных детей. Клянусь объятиями Единого, разбежались, как тараканы при свете!

После рассказа о своем героическом подвиге он еще долго чихвостил констеблей, а в особенности самого главного из них — верховного.

— Ну ты вот скажи мне, Найяту, — говорил он, но теперь уже не так бурно, а шепотом, — каким королем-олухом надо быть, чтоб сынишку своего на столь ответственную должность ставить! У него молоко на губах не обсохло, а уже вона куда — в верховные констебли! Тьфу! То же самое и про его братца... Ну какой, к пяткам Единого, адмирал флота?! Ах да, — Ладмер вновь поднял указательный палец, — что касается одного из королевских отпрысков... У меня будет для тебя крайне важное задание. Но об этом поговорим позже, когда ты приступишь к своим обязанностям. А пока... так, на чем мы там остановились...

Ладмер еще долго делился претензиями к королю, констеблям и прогнившему насквозь силуитскому высшему обществу, пока все же не отпустил аакси, взяв с него слово встретиться через неделю, прежде чем кожевник отправиться в Сторград.

Воодушевленный открывшейся возможностью, Найяту покинул Вальдерию и быстрым шагом направился в деревню родного племени Вакави. Ему не терпелось поскорее рассказать чудесные новости семье. Путь был неблизкий, и охотник добрался до родной землянки, когда солнце уже клонилось к закату.

Найяту мальчишкой помогал отцу копать эту землянку. Это было время, когда королева-регент Верелла Орвэлл, проявив неожиданное великодушие, отвела эти земли под их племя, позволив жить ближе к Вальдерии — городу, который манил своими возможностями, но еще оставался для большинства Вакави недостижимым и непонятным миром. Тогда семье Найяту невероятно повезло отыскать небольшой одинокий холмик рядом с живописным ручьем и роцей и устроиться под сенью величавого дуба.

Отец Найяту, молчаливый и замкнутый аакси, предпочитавший компанию тишине, намеренно выбрал место на отшибе. Он преследовал цель как можно реже встречаться с соплеменниками, предпочитающими жить тесно, как муравьи в муравейнике. В те дни отца заботила лишь охота и добытые им шкуры, продажа которых была способна прокормить голодных детишек. Любая лишняя встреча с соплеменником, как он часто повторял, сулила потерянными временами в бессмысленных разговорах, которое он мог бы потратить с пользой, выслеживая дичь или обучая сыновей искусству охоты и выживания в опасных лесах Ксахко.

Его жена Шима вышла из землянки первой. Ее смуглая кожа в оранжевом свете заходящего солнца отливалась бронзой. Длинные иссиня-черные пряди волос ниспадали мягкими волнами, прикрывая набухшие груди.

Следом за ней вышли и две дочери — Сахики и Мика. Этой зимой Сахики исполнилось тринадцать, и по традициям аакси вскоре ей предстояло покинуть родную землянку и стать хорошей женой и трудолюбивой хозяйкой для достойного мужчины. А вот Мике до жениха было расти и расти, ведь всего четыре сезона назад она произнесла первое слово, назвав «птика» летящего в небе орла.

— Папочка! — Мика понеслась к нему, распугивая на своем пути опешивших куриц.

— Мышка!

Мика вцепилась в его ногу и крепко обхватила липкими ручонками. Найяту подхватил дочь и закружил в воздухе, наслаждаясь ее игривым звонким смехом.

Найяту вернул Мику на землю, и непоседливая девчушка стремглав умчалась к ручью, за новыми приключениями.

Следом подошла Сахики вместе с Шимой.

— Папочка... — Сахики обняла отца.

— Почему тебя так долго не было? — прошептала Шима, коснувшись плеча мужа. —

Мы волновались...

Найяту поцеловав старшую дочь в щеку и стер пятнышко грязи возле ее глаза.

— Расскажу позже. Как вы?

— Я и Сахики весь день занимались огородом.

— А Мика?

— Как всегда — путалась под ногами и мешала, — добавила Сахики.

Малышка уже успела вернуться и, наворачивая круги вокруг них, все приговаривала:

— Неправда! Неправда! Неправда! Я помогала!

Оба родителя засмеялись. Сахики взяла ее за руку и отвела в землянку.

Оставшись наедине с Шимой, Найяту встал на одно колено и поцеловал большой округлый живот жены.

— Ну а как поживает мой сын?

Шима улыбнулась и погладила его по голове:

— Почему ты так уверен, что будет сын?

— Иккси показала его в моем сне. — Он посмотрел на нее снизу вверх: — А еще она сказала, что его будут звать Отактай. Что он будет великим аакси.

Шима коснулась его подбородка и потянула на себя, заставив подняться. Их лбы соприкоснулись.

— Отактай... — мечтательно прошептала Шима. — Красивое имя.

После заката вся семья собралась в землянке. Внутри царил идеальная чистота. Под самым потолком висели на веревке пучки трав для чая, насыщая жилище сладковатым ароматом. В углу лежало несколько дубленых лосиных шкур — заготовка для одежды к будущей зиме. Здесь же висел охотничий лук и топорик — незаменимые орудия в ремесле Найяту.

На ужин был кролик, угодивший этим утром в силки у ручья. Поедая жилистое мясо, Найяту поведал семье про Ладмера и его предложение. Шима, разумеется, не слишком обрадовалась той новости, что муж будет отсутствовать дома так много ночей, но согласилась, что иных путей разрешить проблему с грядущим сбором подати не осталось.

— Отец, могу я пойти с тобой? — спросила старшая дочь. — Мне бы очень хотелось увидеть город ниитов.

— Нет, Сахики. Там не на что смотреть. К тому же ты нужна здесь...

— Возьми ее, Найяту, — вмешалась Шима, убирая грязную посуду с пола. — Вся тяжелая работа позади, с остальным я вполне справлюсь сама.

— Я помогу! — вмешалась Мика, еще дожевывая последний кусок крольчатины.

Найяту не ответил.

— Она уже взрослая, Найяту, — продолжала настаивать Шима. — Возможно, кто-нибудь из ниитов заметит, какая она красавица, и возьмет на службу в замок. Для нее будет лучше, если она как можно скорее познает их нравы и характер. К тому же ей не помешает подучить их язык.

Найяту пришлось крепко подумать, прежде чем дать ответ:

— Твоя мама права. Я возьму тебя с собой, Сахики, только город ты посмотреть не сможешь: все время мы должны будем проводить в лавке. Так велел господин Ладмер.

— Хорошо.

— И ты должна будешь во всем меня слушаться.

— Конечно. — Довольная улыбка не сходила с ее лица.

5. Бейнер

Прежде чем покинуть шатер, Бейнер припрятал кинжал в голенище сапога. Затем попробовал нагнулся, схватил за рукоятку и резким взмахом рассек лезвием воздух.

«Отлично», — заключил он про себя и вышел наружу.

Первые лучи солнца падали на белоснежную гладь, и та блестела мириадами искр. Ночная буря ушла, ее сменил ветер, дергающий края шкур воздвигнутых шатров.

— Ну наконец-то, а то я уже все причиндалы отморозил! — пробурчал недовольно старик, с которым он минувшей ночью застал кровавое зрелище в соседнем шатре. — Да будет тебе известно, что я, Трюд, сын Вигго, больше всего на свете не выношу ожидания, — пригрозил он ему пальцем, сдвинув кустистые брови, — и морозить причиндалы! — Его рот сделался шире от улыбки, и он загоготал от собственного остроумия.

Бейнер натянул кривую ухмылку в ответ. Шутка у старика вышла невероятно глупой, но его раскатистый смех заражал похлеще чумы.

— Идем, Бейнер, сын Унара! — Трюд хлопнул его по спине. — Негоже это, заставлять ждать конунга.

Снег под сапогами издавал скрипучую песнь, так и манящую вернуться к огню. На пути им встречались покидающие теплые шатры райданцы. Большинство еще не слышали о случившемся прошлой ночью, но это был лишь вопрос времени.

— Жрать хочется, — прохрипел его спутник, поглаживая живот. — Сейчас бы поджаренной на костре оленинки, посыпанной...

Мечты его спутника утонули в море размышлений, затопившем голову Бейнера. Он думал о предстоящей встрече с братом Хальды.

И ведьмой, живущей с ним под одной крышей.

Клинок приятно охлаждал голень. Если Бейнер правильно подгадает момент, то прикончит ведьму уже сегодня. Ценою своей жизни, само собой — Йорген так просто это не оставит. Но задание будет выполнено, и Бейнер сядет на заслуженное место за столом в чертогах Свайра, где будет вечно пировать с великими воинами прошлого...

Или не торопиться? Разведать обстановку? Осмотреть шатер на уязвимые места, прокрасться туда ночью и вонзить клинок ведьме в шею, пока она спит?

— Эй! — Он увидел толстые пальцы, щелкающие у самого носа. — Ты здесь? Ау!

Бейнер тряхнул головой:

— Задумался...

— О как! Задумался... Небось рисовал в воображении все те блюда, которые я перечислял, а? — Трюд подмигнул и грубо пихнул его локтем в ребра.

— О да... — солгал Бейнер и полусшепотом повторил: — О да...

Под болтовню про вкусовые предпочтения Трюда они достигли конунгова шатра — в два, а то и три раза больше остальных. Его верхушку венчал громадный череп скайрирского медведя. Стены были составлены из сшитых мехом наружу оленьих шкур.

— Мы к конунгу, — сообщил старик воину, загородившему проход.

— Оружие мне, —дохнув паром, велел коренастый райданец.

Они без колебаний отдали свои мечи и поясные кинжалы.

— Это все? — уточнил воин, смерив их взглядом.

— Ну можешь залезть мне в портки и проверить, не припрятал ли я там топора, — возмутился Трюд. — Давай пускай уже! Задубеем.

Воин отошел, давая им пройти.

— Ну вот, другое дело, — удовлетворенно пробормотал Трюд.

Откинув полог, они оказались внутри. В шатре конунга было значительно более просторное. При желании здесь могло бы уместиться райданцев тридцать, если не больше.

В ноздри ударил ароматный запах похлебки с медвежьим мясом и Бейнер расслышал, как его болтливый спутник громко сглотнул слюну.

Йорген увидел вошедших и жестом велел им подождать. Он стоял на одном колене возле жаровни и пытался разговаривать выжившую девочку. Конунг протягивал бедняжке чашку с горячим чаем, но та даже губ не разомкнула. Глаза бедняжки походили на два стеклышка.

Взгляд Бейнера медленно скользил по убранству шатра и остановился на ведьме, сидевшей в объятиях волчьих шкур. Лицо женщины по-прежнему скрывала вуаль из полосок кожи, мешая рассмотреть направление взгляда.

Вот она, впервые так близко...

Его и ведьму разделяло несколько шагов. да вот незадача: между ними на чурбаке сидел Сторвир, хьялле Йоргена. Его внушительная фигура, казалось, заполняла собой все пространство шатра. Даже сидя, он возвышался над остальными. На его коленях лежал массивный боевой топор. Именно его широкое лезвие могло стать последним, что увидел бы Бейнер, решишь он воспользоваться надежно спрятанным и как следует заточенным засапожником.

— Кто это с тобой сделал? — Йорген передал так и не тронутую девчушкой чашку Сторвиру. Тот осторожно принял своей большущей рукой и выпил чай одним глотком.

Девочка не шевелилась, даже не моргала.

— Без толку, мой конунг, — слышался низкий голос Сторвира. — Она молчит с тех самых пор, как ее привели сюда ночью.

Йорген не сдавался. Он нежно коснулся подбородка девочки и посмотрел прямо в синие глаза. Ни один мускул на ее лице не дрогнул. Крохотная фигурка выглядела окаменевшей.

— Ну же, не бойся, малышка, — ласково прошептал Йорген, — тебя никто не обидит, обещаю тебе.

Спины Бейнера коснулся мороз. Внутрь зашел взявший их оружие караульный.

— Мой конунг, — сказал он, чуть склонившись. — Заявилась некая бабенка, которая утверждает, будто знает девочку и ее родителей.

— Пускай войдет, — велел конунг.

Но бабенкане вошла, а влетела внутрь, ровно буря. Бейнер признал в ней райданку, с которой схлестнулся прошлой ночью, защищая мальчишку Аскольда. Девушка грубо протиснулась между Бейнером и Трюдом, словно те играли роль живых столбов. Бейнер почуял исходящий от нее аромат трав и листьев — запах, по которому он успел сильно соскучиться за долгие дни в этих бесплодных землях.

Резвость райданки вынудила Сторвира предупредительно потянуться к рукояти топора. Девушка тут же остановилась. Ее осторожный взгляд метнулся к конунгу, затем к ведьме и снова к конунгу. Она склонила голову и голосом, упавшим до почтительного шепота, обратилась к обоим:

— Мой конунг. Прорицательница. Простите мне мое внезапное вторжение.

Йорген показал ладонь своему хьялле, и топор вернулся на место.

— Говорят, ты знаешь эту девочку? — поднимаясь, спросил конунг.

— Да, ее зовут Каиса. Ее родители жили со мной в Скойгуре. Я помогала ее матери приглядывать за ней, когда она была еще грудной. Мы все вместе отправились за вами в этот поход... — Она сделала неуверенный шаг вперед, не спуская обеспокоенного взгляда с маленькой райданки. — Простите, могу я?..

— Сначала назовись, — сказал Йорген, перегоротив ей дорогу.

— Эйра, дочь Сварда, мой конунг.

— Ах да, точно, припоминаю. Ты ведь наша единственная знахарка?

— Все так, мой конунг.

Бейнер весьма удивился, узнав о ремесле райданки. Жесткий нрав, невольным свидетелем проявления которого он стал прошлой ночью, совершенно не вписывался в представления о свойственном целителю сердоболнии.

— Возможно, у тебя получится ее разговорить. — Конунг отступил на шаг, уступая дорогу.

Эйра приблизилась к девочке, встала на колени и погладила девочку по белым волосам.

— Каиса, это я, тетя Эйра, — прошептала она ласково. — Расскажи нам, что произошло? Девочка молчала.

— Говорю же, бесполезно все это, — пробурчал Сторвир.

Эйра лизнула палец и вытерла засохшую кровь на ухе девочки.

— Мой конунг, позвольте мне забрать ее к себе? — не сводя взгляда с девочки, произнесла Эйра. — Ей нужен особый уход и много отдыха. Поверьте, я знаю, что делаю.

Йорген, недолго поразмыслив, ответил:

— Конечно. Если понадобится еда, одежда, травы — что угодно, — дай знать.

— Благодарю, мой конунг.

Эйра взяла девочку на руки и направилась в выходу. На мгновение она и Бейнер встретились взглядами, и на немое приветствие райданка ответила полнейшим безразличием. Трюд отдернул полог, и знахарка покинула их, оставив после себя лишь несколько залетевших в шатер хлопьев снега и тень утреннего мороза.

— Прошу, — указал Йорген на очаг, наконец заметив двух посетителей, — устраивайтесь поудобнее, наливайте похлебки.

Трюд расплылся в довольной улыбке:

— Благодарю, мой конунг.

Уселись возле жаровни. Трюд отыскал взглядом деревянную плешку и лежавший на верхушке треноги черпак.

— Выходит, вы те двое, что нашли девочку. — Йорген устроился напротив них.

— Все верно, мой конунг. — Трюд принялся вылавливать самые жирные куски мяса из котла.

— Прежде чем мы перейдем к делу, расскажите, как нарекли вас ваши отцы и чем вы занимались до присоединения к нашему походу?

Старик склонил голову и громогласно произнес:

— Отец мой Вигто нарек меня Трюдом, мой конунг. Сам я рубакой значусь и большую часть своей жизни участвовал в налетах на север Ксахко под командованием вашей сестры Драгии. А пред этим я верно служил делу вашего отца! Лезвие моей секиры срубило сотни силуитских голов!

— Диковинный у тебя говор, Трюд, сын Вигто, — ухмыльнулся Йорген, — все никак не могу вспомнить, где мне прежде доводилось его слышать.

— Быть может, в Хвейлуре, мой конунг? На родине китобоев и охотников на морских чудищ? Все мои предки оттуда, — с нескрываемой гордостью сообщил Трюд.

— Ну разумеется, Хвейлур. Суровый край, населенный по хорошему упрямыми райданцами.

— Все так, мой конунг. Упрямые и гордые! Тем и славимся.

— Ну а ты? — конунг обратился к Бейнеру. — Какое имя даровал тебе твой отец?

Много зим назад из уст своего учителя Кровавого Узла Бейнер усвоил один важный урок: «Всякая вынужденная ложь становится крепче, ежели прибавить к ней щепотку правды». И Бейнер собирался воспользоваться этим уроком прямо сейчас.

Он начал с правды:

— По воле Свайра отец не успел оказать мне эту честь, ибо еще до моего рождения его сгубила лихорадка.

— Прискорбно это слышать. А что же мать?

И еще немного правды:

— Мать скончалась при родах и тоже не успела дать мне имя, как того требует обычай первого появления. Вместо нее это сделал рунопрядец Бейнер Неказистый, который помог покинуть мне материнскую утробу. Вот он и наградил меня своим именем.

— Рунопрядец? — Йорген задумчиво почесал подбородок. — Ты родился на острове Памяти?

— Все так, мой конунг. Мой отец... — Бейнер осекся на мгновение и продолжил: — Мой отец был рыбаком на острове Памяти, а мать во всем ему помогала.

На широком лице Сторвира выступила издевательская ухмылка. Конунг же остался невозмутим.

— Неужто это рунопрядцы научили тебя искусству фехтования? — Йорген взглядом указал на пустые ножны у пояса Бейнер. — Или ты носишь меч, чтобы девок впечатлять?

— Я бежал с острова Памяти после прожитых там пятнадцати полных зим и отправился странствовать по Нордхалю, пока не попал в отряд налетчиков. Там меня всему и научили.

Йорген внезапно рассмеялся:

— Я бы тоже не выдержал этих нудных поэм, прядей и сказаний про древнюю Райду. По мне так лучше меч в руке, нежели свиток. Хотелось бы мне побольше узнать о твоих странствиях и тех, кто научил тебя обращаться с мечом, но это подождет. Сейчас у нас есть дела поважнее.

Для лжи места не нашлось. Прибережем ее на потом.

Йорген сел на чурбак и положил ладони на колени.

— Теперь оба расскажите мне, как все было в том шатре, да поподробнее, — велел он.

Трюд и Бейнер обменялись взглядами, решая между собой, кому из них начать.

— Да, собственно, здесь и рассказывать нечего, — первым заговорил Трюд. — к нам заполз тот покойник, мы пошли по его следу проверить и... В общем, вы, насколько мне известно, вы и сами все видели.

— Видел... — подтвердил Йорген.

— Говорю же, какой-то зверь, — заключил Сторвир, шмыгнув носом. — Чем дальше на север, тем страшнее и опаснее здешняя живность. — Его ладонь легла на рукоять секиры. — Мне еще отец рассказывал, что в этих краях видел медведей в три райданских роста.

— При всем уважении, хьялле Сторвир, — вставил Бейнер, — будь это зверь, он оставил бы следы: отпечатки лап или клочки шерсти, не говоря уж о разорванных в клочья тела. Но мы обыскали все в округе, каждый шатер проверили — и ничего, кроме того несчастного, заползшего к нам.

— Кстати о нем, — щелкнул пальцами Йорген, — остальную его часть нашли?

— Не-а! — добавил Трюд и закинул в рот кусок жилистого мяса. — Ничегошеньки!

— Хочу отметить, мой конунг, — продолжил Бейнер, — что удар, которым ему отсекли половину туловища, совсем не похож на работу зверя. Уж очень ровно. Словно его кто-то положил на землю и отрубил половину одним верным ударом громадного топора.

Йорген продолжил задумчиво смотреть на Бейнера и почесывать подбородок. Затем медленно перевел взгляд на ведунью. Ведьма не шелохнулась и, скорее, походила на предмет мебели, нежели на могущественную провидицу, коей ее величали.

— А ты что думаешь? — обратился к ней Йорген. — Что могло убить тех несчастных?

Повисла тишина, долгая и напряженная. Даже Трюд нехотя отложил уже наполовину съеденный завтрак, опасаясь ненароком нарушать молчание чавканьем. Все знали, что, прежде чем ведунья ответит, должно пройти время, но для нетерпеливой натуры Йоргена оно длилось дольше обычного. Он нервно барабанил пальцами, как бы подгоняя ее.

Наконец ведунья заговорила, и по спине Бейнера пробежали мурашки. Почудилось, что дыхание ее коснулось его ушей.

— Началось первое из трех испытаний, Йорген, сын Фарлафа. Испытание смертью.

Грубое лицо самозванного конунга, исполосованное шрамами, нахмурилось.

— Смертью? Но ведь я избранный. Ты сама показала мне это, когда... — Он осекся, не dokonчив.

Тонкие губы ведьмы согнулись в улыбке:

— Не твоей смертью, моей конунг, а тех, кто тебя окружает. Верных тебе.

Присутствующие переглянулись, словно задавая друг другу вопрос: «Мне не послышалось?»

— Я верю в твои предсказания, Хельва, — ответил Йорген, впервые дав Бейнеру услышать ее имя, — но, пусть Свайр станет свидетелем моей клятвы, я не допущу гибели моих сторонников!

Ведунья медленно поднялась на ноги. С узких плечи медленно сползли согревающие худое тело меха. Тонкие пальцы плавным движением коснулись края вуали, и открыли лицо.

Бейнером овладела оторопь. Преследующие его все эти дни слухи оказались правдивы: ведьма отличалась необыкновенной красотой. Эта красота пленила — и настораживала.

Те чары, о которых все говорили так неустанно, ощутил на себе не только Бейнер.

Трюд мгновенно опустил взгляд в наполовину опустевшую миску, словно боясь надолго задержать на ведьме взгляд. Даже Сторвир, возвышавшийся над ней на добрые две головы, внезапно проявил необычайный интерес к меху лежавшей подле него шубы.

Ведунья Хельва подошла к конунгу со спины, положила руку ему на плечо, а потом заговорила:

— Ты избран, Йорген, сын Фарлафа, это верно, но быть избранным вовсе не награда, а тяжелое бремя. — Ее голос обволакивал. — Тропа, устланная костями преданных тебе подданных, научит тебя стойкости. Встреча с непроглядным мраком укрепит твою храбрость. Путешествие сквозь время наградит безграничной мудростью.

Ее пальцы, как паучьи лапки, прикоснулись к жилистой шее Йоргена.

— Смерть. Тьма. Время. Три испытания. Лишь если преодолеешь их на пути, гора Ёрсун наградит тебя своей силой.

— Достаточно... — оборвал ее Йорген. — Обсудим это позже, а сейчас оставь нас.

Хельва поклонилась:

— Как велит мне мой конунг.

Она скрыла лицо вуалью, укуталась в шубу и направилась к выходу. Бейнер встретился с ней взглядом и осознал: вот она, возможность покончить с ведьмой. Он уже выгадывал миг, когда нужно наклониться и быстро достать спрятанный в сапоге клинок, но она парализовала его взором своих горящих синим огнем глаз, будто мальчишку, а когда прошла мимо, оставив позади запах можжевельника и полыни, незаметно для остальных провела пальцем по его вспотевшей кисти, вызвав у Бейнера мурашки.

Так близко! Она была так близко! Чего ты ждал?!

— Эй, с тобой все в порядке? — Слова Йоргена раздались будто в ста лигах отсюда.

— Прошу прощения, мой конунг, — очнувшись, пробормотал Бейнер.

Неужели ведьма коснулась его своими чарами? Но не означает ли это, что она знает о его намерениях покончить с ней?

Полог шатра приподнялся вновь.

— Мой конунг. — Вошедший воин приложил кулак к груди, отдавая честь. — Буря полностью утихла. Если прикажете, можем начать грузить нарты и запрягать оленей.

— Хорошо.

— Есть еще кое-что, мой конунг. — Воин немного понизил голос: — Тут привели смутьяна... Говорят, он ночью сеял сомнения о разумности вашем похода. Есть свидетели.

— Смутьяна, говоришь... — Йорген задумчиво почесал подбородок.

— Велите его впустить?

— Впускай.

Воин вышел и сразу внутрь пожаловал другой, придерживающий за локоть Аскольда. В глазах юноши сверкала влага, челюсть подрагивала.

— Мой конунг... — едва ли не пропищал Аскольда, когда его силой пихнули вперед, заставив встать на колени.

Его конвоир произнес:

— Очевидцы говорят, что этот соплик подговаривал всех вернуться в Йорствар и приклонить колено перед предательницей.

— Не правда! — Аскольд снизу вверх взглянул на Йоргена. — Я не говорил ничего подобного! Все было совсем не...

Воин пихнул его сапогом в ребро, велел заткнуться.

Страшно напуганный и жалкий вид юнца вынудил Бейнера в очередной раз вмешаться в его участь:

— Позвольте, мой конунг, но все было не совсем так.

— Тебе то откуда знать? — рявкнул втащивший Аскольда райданец.

Бейнер ответил ему:

— Потому что я и Трюд ночевали с ним в одном шатре и оба прекрасно слышали, что именно он сказал. Верно же говорю, Трюд?

Старый воин колебался мгновение, прежде чем подтвердить:

— Ага. Мы потом оттуда вместе и пошли к тому шатру...

Йорген молчал, внимательно слушая.

— Парень действительно обмолвился о возвращении в Йорствар, — продолжал Бейнер, только сейчас осознавая, что лезет совершенно не в свое дело, — только вот про преклонение колена перед вашей сестре не были и слова. — Он перевел взгляд на парня. — Если позволите, мой конунг, по мне, так мальчишка всего-навсего вымотался, изголодался, вот и дал слабинку.

Аскольд дрожал, как брошенный гольшом среди пурги.

Конунг долго смотрел на юношу, прежде чем спросить:

— Как тебя зовут?

— Аскольд, мой конунг, — выдавил тот из себя.

— Аскольд, — протянул Йорген. — Благородное имя! Кто твои родители?

Юноша осторожно поднял голову, но не решился встретиться взглядом с конунгом.

— Как и большинство райданцев в наше время, они были налетчиками, родом из Айге, мой конунг. Мать Хедда, лучница. Отца звали Ньярдом, он рубакой ходил. Оба служили в дружине воеводы Вальгара Огненного.

— Вальгар Огненный, как же, припоминаю. Отличный воевода и бравый налетчик, верно служивший моей сестре Драгии! — Йорген подался немного вперед. — Ты говоришь о своих родителях в прошедшем времени. Выходит, они не разделяют с нами бремя похода?

— Для них было бы честью оказаться сейчас с вами, мой конунг, но теперь они пируют в чертогах Свайра. Он открыл перед ними ворота еще десять зим назад, когда оба они встали на защиту архипелага Фискур.

— Архипелаг Фискур... — прошептал Йорген, потупив взгляд. — Да, то была жестокая битва...

Йорген почесал костяшки пальцев.

— Ты голоден, Аскольд? — Конунг потянулся к миске.

Юноша жадно взглянул на почти полный котелок.

— Нет, мой конунг, — быстро дал он ответ и покорно уткнулся лбом в шкуры, растеленные на полу.

— Сказанная в лицо конунгу ложь карается отрезанием языка, ты это знал? — Йорген налил похлебки и положил жирный кусок медвежатины. — Держи.

Аскольд с благоговением принял миску, вытащил голой рукой кусок мяса и спешно стал его разжевывать.

На лице приволокшего смутьяна воина отразилось возмущение.

— А как твое имя? — обратился к нему Йорген.

— Трейг, сын Эльдиса, мой конунг, — недовольным тоном произнес тот.

— И ты налей себе похлебки и наложи мяса сколько захочется, Трейг, сын Эльдиса, а потом ступай к остальным моим последователям и сообщи, что прежде чем мы продолжим наш поход, я должен обратиться ко всем, чтобы поведать о случившемся этой ночью.

Лицо воина смягчилось. Он поклонился конунгу и не преминул воспользоваться его предложением налить себе похлебки.

Йорген поманил к себе Бейнера и Трюда.

Они подошли к конунгу.

— Об услышанном сегодня из уст провидицы никому ни слова, — прошептал Йорген, убедившись, что их никто не подслушивает. Я не позволю сеять смуту в наших рядах.

Трюд утвердительно склонил голову, Бейнер тоже ответил кротким кивком.

— Если я хоть краешком уха услышу что-то, даже отдаленно похожее на сказанное ею... — Йорген обвел их холодным, ничего не прощающим взглядом. — Я знаю, за чьими головами отправить Сторвира.

— Вам и не придется, мой конунг, — ответил Трюда так резво, что аж брызнул слюной. — Чтоб мне все чресла Свайр обморозил.

Бейнер ограничился спокойным:

— Разумеется, мой конунг. Все, произнесенное в этом шатре, останется в нем.

Йорген помолчал мгновение, затем добавил более мягким тоном:

— Сказанное Хельвой может показаться... тревожными, но не стоит воспринимать ее пророчество буквально. — Он положил руки на их плечи. — Уверяю вас, я никого не дам в обиду и всеми силами постараюсь защитить от новых нападений.

Знать бы чьих именно...

Руки Йоргена сползли с их плеч.

— А теперь ступайте.

— Да, мой конунг, — ответили они почти одновременно.

Получив снаружи свое оружие обратно, они последовали обратно к шатру.

В лагере уже зарождалась суматоха. Райданцы снимали шкуры, спешно погружали опорные шесты и прочее снаряжение на запряженные оленями нарты. Многие останавливались, шептались о ночной бойне и так и не найденном убийце.

— Кажись, все уже знают о случившемся, — пробормотал Трюд, поглядывая на соплеменников.

Бейнер пропустил это мимо ушей. Он все думал о ведьме и упущенном шансе проткнуть ей глотку.

— Слушай... — Трюд оглянулся за спину и шепотом спросил: — Думаешь, правду ведунья наговорила? Умрем мы все?

Бейнер не верил в предсказания лживого пророчества, хоть и признавал талант Хельвы к очарованию. С ее-то внешностью...

По-хорошему припугнуть бы Трюда и ответить прямо: умрем. Поселить панику в голове, которая станет мучить его по ночам, пока в один из дней не вырвется наружу и не начнет лихо-радкой разноситься по каравану. Тогда и самому ведьму убивать не придется — это сделают

изголодавшиеся и напуганные райданцы, подпитываемые лишь верой в правое дело и ненавистью к врагам. Вот если они хоть немного усомнятся в обещаниях Хельвы...

Да вот только теперь все, что скажет Трюд о ведьме, аукнется и ему самому. Любое случайное упоминание пророчества, и топор Сторвира воткнется в череп не только Трюда, но и Бейнера — на всякий случай. На подобную жертву Бейнер решился бы только при условии, что это сработает наверняка.

Ну а пока стоило придумать план понадежнее.

— А сам-то ты как думаешь? — спросил Бейнер, уйдя от ответа.

Трюд почесал бороду, еще раз оглянулся, будто преследуемый кем-то, и махнул рукой.

— Да поди ты разбери эти пророчества, — буркнул он. — Говорят одно, а на деле совсем иначе складывается. Вот мне, к примеру, бабка в детстве рассказывала сказку о медведе, который страсть как любил мед. Так вот, он там, в этой сказке, все улья в лесу распотрошил, пчел сиротами оставил, пугал всех проч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.